

УДК 83.7
ББК 82.085
Р49

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р16-641-3573

Авторский коллектив: д-р филол. наук *В. И. Аннушкин (гл. 1)*,
д-р филол. наук *И. Ю. Чистякова (гл. 2)*, канд. филол. наук *М. И. Тарасов (гл. 3)*,
Ю. Ю. Кабанкова (гл. 4)

Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего
Р49 Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост.
А. В. Щипков. – М.: Русистика, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-7805-1201-1

Предлагаемая читателю книга содержит уникальное по своим методам и результатам исследование словесной деятельности нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с позиций риторики – науки и искусства убедительной и совершенной речи. Авторами анализируются наиболее репрезентативные тексты Предстоятеля Русской Православной Церкви, посвященные важнейшим проблемам духовно-нравственной и общественно-культурной жизни нашего общества. Объектом анализа стали как «слова» Святейшего Патриарха во время и после Божественной литургии, так и публичные выступления, объединенные в книге «Семь слов о Русском мире», изданной Всемирным Русским Народным Собором.

Именно в этой книге Патриарх решил одновременно три задачи. Он свел в рамках единого замысла свои социально-философские размышления последних лет, дал новый импульс развитию классического литературного жанра «слова», вписав его в современный контекст, и предъявил свое видение основных задач России и русского народа на ближайшие десятилетия.

Решение этих задач возможно лишь при условии выбора нового языка для разговора о насущных национальных проблемах. В рамках современного информационного общества изменить язык значит изменить реальность. Поэтому риторический анализ проповедей, статей и других текстов Святейшего Патриарха дает неоценимый материал для понимания меняющихся исторических условий, в которых нам предстоит жить и которые глава Церкви в статусе «словесного пастыря» одним из первых взялся описать.

УДК 83.7
ББК 82.085

Издание подготовлено при поддержке
Некоммерческого партнерства «Родное слово»

© А. В. Аннушкин, Ю. Ю. Кабанкова,
М. И. Тарасов, И. Ю. Чистякова, 2016

© А. В. Щипков, составление, 2016

ISBN 978-5-7805-1201-1

© ООО «Русистика», 2016

От составителя

Книга «Риторика Патриарха» посвящена изучению важного аспекта творчества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла – риторических выразительных средств; в качестве изучаемых текстов взяты публичные выступления Патриарха, в том числе собранные в книге «Семь слов о Русском мире», которую издал Всемирный Русский Народный Собор в 2015 году¹. Риторических в строгом, аристотелевском смысле этого слова, то есть содержательно-аргументативных способов убеждения, конкретных приемов, тропов и фигур речи. Это особая область филологии как науки о Слове, имеющая четкие границы и тщательно разработанную методологию. Все это авторы настоящей книги подробно разъясняют, и мы не станем вторгаться в область их научной компетенции.

Но вот о чем хотелось бы сказать. Риторика в собственном смысле слова – искусство древнее и почтенное, она далека от тех приемов, которые сегодня широко используются в PR, рекламе, политической агитации. Риторические жанры, в отличие от прикладных речевых практик, имеют долгосрочную художественную задачу и рассчитаны не только на современни-

---

¹ *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Семь слов о Русском мире* / Сост. А. В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015.

ков, но и на потомков. Так понимали свое дело авторы древнерусских риторических произведений митрополит Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник. Только их искусство предназначалось для произнесения вслух на площадях и в храмах, хотя первоначально и записывалось.

Почему именно так?

После правления Ярослава Мудрого, который начал усиленно строить школы, грамотность росла, но большая часть народа, в отличие от элиты, все же оставалась неграмотной и не могла воспринимать письменную речь. Даже Евангелие в те времена не столько читали, сколько слушали в храмах во время службы. И Церковь в лице наиболее способных своих представителей, так сказать, «шла в народ». А потому вплоть до XVII века в русской литературе основную структурирующую роль играло деление не на стихи и прозу, а на тексты для чтения и тексты для произнесения вслух. Первая часть – это летописи, патерики, притчи, военные повести, «хождения», «чудеса». Вторая – «слова», проповеди, поучения, моления. Потом это деление перешло внутрь отдельного жанра. Были поучения для чтения и для произнесения прихожанам в храме. Они отличались. Вторые могли быть короче и без некоторых украшений, но эмоционально сильнее. Отголоски их позднее можно было отыскать, скажем, у Ломоносова в его знаменитых одах, которые читались при дворе.

Нынешнее время в не меньшей степени нуждается в «словах» и проповедях. Люди перестали доверять официально-деловой речи, подверженной законам пиара и информационной агрессии. Но возможность говорить напрямую, глаза в глаза, дает только прямое высказывание, а оно связано с устной речью. Так легче достучаться до ближнего. Сказанное должно быть понятно здесь и сейчас, понятно человеку, у которого в данный момент распахнуто сердце.

Это не постановочная речь, а жизнь-в-слове, когда говорят не как пишут, а как дышат, схватывая то, что запа-

ло в сердце и что хочется поселить в сердце брата своего. Раздражить глубину сердечную.

Эта интенция за счет присущей ей искренности не устаревает со временем, она несет свет соборной церковной мысли потомкам.

Три века назад менялся язык эпохи, и риторика устных жанров приближалась к нему. Так же обстоит дело и сегодня: тексты Патриарха Кирилла включают в себя наряду с церковной фразеологией и светские выражения, и элементы дискурса современной науки. Все это части единого культурно-языкового пространства, охваченные авторской индивидуальностью Патриарха, у которого, благодаря его уникальному чувству языка, стилистическое разнообразие никогда не переходит в эклектику.

Общественное звучание текстов Предстоятеля Русской Православной Церкви вызывает резонанс и в интеллектуальном комьюнити, и среди широкой публики. Один из выводов, которые сделает их адресат – сделает сам, без грубой авторской подсказки, – это идея ответственности Церкви за историческую судьбу своего народа. Церковь в ответе за то, чтобы наши исторические разрывы не привели нас вновь к гражданскому расколу, чтобы они были осмыслены с позиций христианской этики, причем не только в религиозном, но и в светском понимании последней.

Сегодня Церковь берет ответственность за народ в трудной для него ситуации. Внешние вызовы и угрозы растут, самоидентификация народа затруднена, а он сам страдает от токсичного информационного контента. Как Моисей выводил евреев, так и нынешняя Церковь стремится вывести тех, кого окормляет, из плена симулякров, ложных альтернатив и суррогатов национальной идентичности. Церковь обязана делать это по двум причинам. Во-первых, у нее соборная, а не партийная и не корпоративная природа. В этом смысле Церковь – один из немногих подлинно демократических институтов в стра-

не. Во-вторых, она единственный оставшийся в России институт, который соединяет исторические периоды: дореволюционный, советский и постсоветский. При ее попечении да не распадется связь времен. Высказывания Святейшего Патриарха Кирилла очень много могут для этого сделать и уже делают.

Александр Щипков

Слово научного редактора

Даждь ми дерзновенно глаголати,
яже хощу, Христе мой, паче же и научи мя,
что ми подобает творити и глаголати.

Молитва святого Симеона Нового Богослова

Писать «Риторику Патриарха» дело не просто смелое, Па дерзновенное. Однако дерзновение – не дерзость, дерзновение может рождаться из вдохновения, осознания злободневности того, о чем собираются писать авторы книги, и, конечно, жажды духовного преображения, которой наполнено наше непростое время.

Отчего современным ученым, объединенным интересом как к совершенной русской речи (это предмет риторики), так и к личности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, не изложить свои скромные наблюдения, тем более что представлен для этого значимый повод? Но дело, конечно, не в юбилее Предстоятеля нашей Церкви: личность Святейшего Патриарха, его вдохновенное, убеждающее, окрыляющее слово действуют не только на всякого верующего, но и на всех, кто его слушает, столь благодатным образом, что невольно задаешься вопросом: в чем секрет, тайна такого воздействия? И может ли тайна человеческой личности – образа Божия – и творчества личности в слове быть вскрыта учеными методами?

«Не могут духи просвещенны, от света Твоего рожденны, исследовать судеб Твоих: лишь мысль взнестись к Тебе дерзает...» Тайну чудес Божиих не вскроет никакая наука (и Державин пишет об исследовании сущности Бога), но наука обязана обращаться к исследованию деятельности человека, открывая законы и правила,

давая рекомендации и советы, выясняя сущность культуры, нравственного и интеллектуального развития общества и личности. Наука может направить наши стремления к познанию тайны творчества влиятельной личности при внимательном наблюдении, обобщении фактов, полном и объективном анализе материала, который дан нам сегодня в непосредственном восприятии устных, письменных, печатных и электронно-медийных текстов избранного нами автора.

Святейший Патриарх Алексий II в «Слове» на Седьмых Рождественских чтениях говорил:

«Творец создал мир Словом. Слово Божие несет в себе вечную мудрость, одухотворенную мысль и содержит неиссякаемую вовеки творческую и созидательную силу. Именно слово является фундаментальной основой и глубинным стержнем всей человеческой культуры. Однако будем помнить: только истинное и чистое слово, исполненное смысла, исходящего от Бога, живоносно и животворно»¹. Как прост и закономерен в «Слове» Святейшего Патриарха Алексия II этот переход от Слова, которым Господь создал мир, к Слову Божию, которое в Евангелии от Иоанна толкуется как Господь Иисус Христос, – и от него к «человеческому» слову, которое должно быть «основой культуры»! В этом и будет коллизия всей человеческой «словесности», ибо иное слово – слово добра, в котором отраженно сияет Божие Слово, а иное – слово зла, лести, обмана. И фундаментальный вопрос смысла и результата жизни всякой личности: как избавиться от «праздного слова, за которое ответ дадим в день суда», и научиться слову истинному и чистому, живоносному и животворному?

Именно о таком живоносном и животворном слове нам и хотелось бы повести речь в нашей книге. Книга

---

¹ Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии Восьмых Международных Рождественских чтений. Москва, 2000. С. 4.

названа «Риторикой», и надеемся, что читатель понимает: риторика рассматривается нами не по-журналистски и не вульгарно – как празднословие, ложное ораторство и речевая манипуляция, а как **наука и искусство убедительной, украшенной и эффективной** – наилучший эпитет при этом – **совершенной речи**. И в таком случае каждый из нас является ритором, т. е. человеком, создающим аргументативные высказывания, основой которых являются **нравственность и образованность** говорящего или пишущего.

В книге исследуются особенности речевой (словесной) деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла как выдающегося церковного и общественно-культурного деятеля, слово которого оказывает влияние на все стороны сегодняшней жизни нашего народа. Материал исследования огромен, ибо каждый день приносит нам новое благословенное слово Святейшего, которое хочется осмыслить, запомнить, записать и оставить в сердце. Задача исследователя-филолога – классификация и систематизация словесных произведений, выяснение специфики и законов их создания, восприятия и функционирования в определенной общественной среде, и в данном случае мы имеем дело с конкретной языковой личностью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Языковая личность выражает себя в реальных текстах, и современный слушатель (как и читатель) имеет реальную возможность оценить тематику, содержание, способы аргументации, стиль речи, эмоциональный настрой, волевые качества – все, что составляет категорию «образ ритора» как представление себя, по словам Аристотеля, «человеком известного склада»².

Приступая к анализу словесной деятельности Патриарха Кирилла, каждый из авторов несколько по-своему

---

² *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М., Издательство Московского университета, 1978. С. 71.

говорит о фундаментальных понятиях риторики, которые с очевидностью связывают эту науку и со словесностью, и со Словом. Идея Слова – основная идея европейской философии и филологии. Неслучайно Евангелие от Иоанна начато словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Словом Создатель мира наградил свое любимое творение – человека, вкладывая в него способность слова. Творение мира Божественной силой осуществляется с помощью слова, ибо Господь говорит: «Да будет свет!» – осуществляя свой замысел в слове и деле.

Эта книга – не панегирик к юбилею, она задумана как объективная попытка целостно-систематического научного анализа риторической деятельности Патриарха Кирилла в годы его патриаршества. Ее разделы написаны разными авторами, имеющими собственный научно-педагогический опыт, но читатель не сможет не почувствовать их «единомыслие» в понимании предмета риторики как науки и искусства словесного творчества, «единодушие» (не синоним «прекраснодушия») в отношении к объекту исследования – текстам Патриарха Кирилла. Читатель должен почувствовать в книге и «свободу в малом», приводящую к «разномыслию» – основе научного творчества. Главное, на чем стоит настаивать «малому стаду», взявшемуся за столь ответственное дело, – это наша любовь к **Науке о слове** (тут всё время корректор сомневается, писать ли со строчной или «возвышенно» прописной), выраженная в готовности проанализировать деятельность Святейшего Патриарха Кирилла как «словесного пастыря» вверенного ему православного народа.

Когда-то Александр Петрович Сумароков, выдающийся поэт, драматург и своеобразный теоретик-словесник, начал статью «О русском духовном красноречии» рассуждением о том, что «красноречие духовных» лиц ищется в проповедовании Священного Писания и «в наставлении добродетели» и он, как светский писатель-сло-

весник, «оставляет религию и катехизис – дело, до него нимало не принадлежащее», но в «проповедниках видит собратий по **единому риторству**» и потому «имеет право на рассмотрение их как **почитателей словесности**»⁵. Патриарх Кирилл как председатель воссозданного в мае 2016 года Общества русской словесности и заявляет о себе сегодня как главный «почитатель словесности» – в служении Богу и Церкви словом истины, словом добра, словом красоты, «право правяще Слово Истины».

В предлагаемой читателю книге анализ слов и речей Патриарха Кирилла будет предвлекаться в каждом разделе анализом сущности риторики как филологической дисциплины, исследующей законы и правила построения общественной речи. Эти предварительные замечания должны показать, что такое риторика как классическая и современная дисциплина, какими научными методами и средствами могут оцениваться публичные выступления современного ратора.

Деятельность Патриарха как ратора, т. е. человека, создающего аргументативные высказывания с целью убеждения аудитории, описана в первом разделе, где, согласно классическому риторическому канону, должны проанализироваться тематика и содержание текстов (своеобразие в изобретении идей), композиция речей, стилистические особенности, «украшения речи», состоящие в выборе слов и способах их синтаксического соединения (фигурах речи), особенности произношения и так называемого невербального поведения (*автор В. И. Аннушкин*). Образ Патриарха Кирилла как ратора-«словесника» проявлен через анализ конкретных «слов» и речей, обращенных как к церковной пастве, так и к широкой общественности.

---

⁵ *Сумароков А. П.* О русском духовном красноречии // Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Собраны и изданы Николаем Новиковым. Т. 6. М.: 1787. С. 275. См. также: *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М.: Издательский центр «Академия», 1998. С. 165.

Обозрение состава жанров текстов, в которых реализуется деятельность Патриарха Кирилла, – задача следующего раздела (*автор И. Ю. Чистякова*). Поскольку риторика изучает речевые нагрузки современного человека, автор раздела пытается вскрыть все многообразие жанров, которые имеются в современной общественно-речевой практике, и как в этом разнообразии представлена широкая палитра публичной речевой деятельности Святейшего Патриарха Кирилла.

Исследованию фигур мысли в речах Патриарха Кирилла о Русском мире посвящен следующий раздел с попыткой анализа средств смыслового и лексико-синтаксического построения текста (*автор М. И. Тарасов*). Автором сформулированы общие положения теории фигур мысли, обоснованы представления об их систематике и основном механизме формирования – структурном и семантическом приращении. Подробно рассмотрены фигуры повтора и логические фигуры.

Анализ образа ратора и основных жанров публичных выступлений Святейшего Патриарха Кирилла в истекшем календарном году выполнен в материалах, подготовленных *Ю. Ю. Кабанковой*. На примерах проповедей, напутствий, общецерковных обращений, обращений к общественности и выступлений в СМИ мы видим, как выстраивается целостный образ влиятельного церковно-государственного деятеля, служащего словом нашим общецерковным, общегосударственным и личным интересам.

Итак, наша книга – попытка объективного научного исследования выдающегося словесно-риторического опыта нашего современника Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, о чьем здравии мы «единими усты» возносим ежедневные молитвы. Образ мысли, мировоззренческие ценности, философская и эмоциональная оценка происходящих в мире событий, сам стиль речи Святейшего Патриарха оказывают колоссальное «видимое и невидимое» влияние на наши

общественные и личные мнения, оценки, настроение и, в конечном счете, на бытие каждого, кто молится сегодня «о великом господине и отце нашем Святейшем Патриархе Кирилле».

Словесный призыв Патриарха к любви как основе всякой жизни, добру как основе человеческого счастья, к соблюдению нравственных законов бытия, «единству» при «свободе» в мнениях не могут не быть услышанными в современном обществе, именно поэтому мы решаемся представить на суд научно-педагогической общественности и «всех заинтересованных лиц» наши научно-исследовательские наблюдения, «да тихое и безмолвное житие поживем».

Владимир Аннушкин

Патриарх Кирилл – ритор, словесник, стилист

Главной идеей европейской культуры является идея Логоса-Слова как воплощения Божественного замысла творения и творческого созидания жизни. Слово воплощает как Божественный Разум, так и осуществленное исполнение Божественного Словесного Откровения, выраженного в текстах Священного Писания. Человек как Божье творение (образ Божий) наделяется «логосической», то есть мысле-словесной, способностью творчества в единстве и последовательности мысли, слова и дела. Человек потому и называется «творением словесным», что «словесное» в нем приравнивается к «Божественному», ибо «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

В мысле-словесной одухотворенности человека проявляется его божественная сущность, и «словесность» как отражение Слова Божия не может не приравниваться к «Божественности» и «Святости». В «Слове о человеке» начала XVIII века звучит этот гимн словесной сущности человека, «всесвятыми и неописанными Божиими руками сплесканного, всесвятым и животворящим дуновением Его оживленного, толико светлостью **словесства** и ясностию разума пребогато сияющего»¹.

Замысел написать о словесности или «риторике» Патриарха Кирилла наталкивается на множество препят-

---

¹ *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. М., 2002. С. 138.

ствий: во-первых, данная тема, в сущности, неподъемна для такого небольшого исследования попросту потому, что материалов или источников «слов и речей» Патриарха Кирилла уже накопилось на многотомное собрание и один обзор потребовал бы фундаментального описания; во-вторых, слово «риторика» может вызвать у иных читателей представление о ложном красноречии, «блестящем» ораторстве и будет трудно доказать, что это представление – вульгарно-журналистское, научное же представление предполагает объяснение науки и искусства риторики как словесного учения о совершенной, образцовой речи.

Называя Патриарха Кирилла «**ритором**», мы имеем в виду силу, действенность и влияние его словесно-речевой деятельности, ибо ритор – это человек, умеющий создавать убедительные и действенные высказывания. Однако «убеждение» Патриарха Кирилла как Предстоятеля Русской Православной Церкви связано прежде всего с донесением Слова Божия, проповедью Божией правды, а «Слово Божие – это слово не человеческое»... Поэтому для авторов данной книги существует вопрос: как определить риторику – науку и искусство словесного воздействия и убеждения? Где и в чем здесь «божественное» и человеческое? Основание действенной риторики – вовсе не в способности убеждать, ибо сами убеждения бывают ложными, оно – в нравственно-мировоззренческой сущности человека, в его вере, силе духа, базисных ценностях, которыми являются ценности духовные, а это, как знает читатель, знакомый с текстами Патриарха Кирилла, как раз то, о чем он говорит в своих речах. Очевидно также, что к деятельности Святейшего Патриарха Кирилла мерки светской риторики слабо применимы, ибо Патриарх выступает от лица Церкви, его слово как главы православного народа изначально авторитетно для подавляющего большинства слушателей и читателей его речей и текстов. Церковь способна «тихим голосом», словно колоколом, будить сердца людей, поэтому, утверждая силу и влияние слов, высказываний, речей наиболее авторитетных современных церковных деятелей, мы говорим

о силе Божией, которая может «в немощи совершаться». Однако именно к Патриарху Кириллу менее всего подходит определение «немощи», потому что сила Божия, звучащая в его слове, напояет и наполняет души отзывающейся благодарью. Возможно, тайну этой силы нам не дано исследовать, но мы ее ощущаем реально и потому вправе о ней говорить.

Называя Патриарха Кирилла **«словесником»**, мы имеем в виду не только факт его председательствования в возрожденном Обществе русской словесности, но и очевидность того, что вся деятельность Святейшего Патриарха именно «словесная», хотя именно о слове – языке – речи до недавнего времени он говорил мало. Точнее будет заметить, что в различных текстах Святейшего Патриарха имеется множество разбросанных суждений о «языке» и «слове», которыми желательно доносить Божью правду, – и этот материал также требует обобщения и систематизации. В словах «словесник», «словесный» одни увидят только инструмент общения (Патриарх обращается со «словом» и говорит «словами»), но другие не могут не прозревать в «словесном» его божественную сущность.

В мастерском владении ораторским словом во все времена жизни человечества усматривали нечто божественное, и об этом говорил Сократ, призывая риториков не просто услаждать слушателей своей речью, а более «служить богам, нежели людям». Цицерон писал об искусстве красноречия как о «редчайшем даровании (как мало ораторов и в наши дни, да и во все времена)», а Софроний Лихуд, наш грек-«первоучитель» в Славяно-греко-латинской академии, в учебнике «О силе риторических» писал, что риторы «приступают к небесным (созданиям) умом, сиречь ангелам», словно с ними «вящее содружество имеют»². Применительно к личности Патриарха Кирилла

---

² Софроний Лихуд. О силе риторических (1698) // *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М.: Академия, 1998. С. 65. Сочинение Софрония Лихуда до сих пор не опубликовано полностью.

надо сказать: в речевых действиях Патриарха должно искать не **«идеальное»** (ведь Патриарх – тоже человек), но **образцово-стилистическое начало**, ибо влиятельная личность в обществе всегда предлагает определенный стиль мысли, слова и поступка, на которые ориентируется общество.

Чрезвычайно важно сказать и о том, что если мы относим деятельность Патриарха Кирилла как словесного пастыря к области церковного красноречия, то мы погружаемся в область гомилетики как науки о проповедовании Слова Божия. Церковное красноречие как вид риторического искусства должно отделить от светского. Такое различие западные и русские проповедники делали уже в конце XVII века, когда появилось руководство Н. Коссена «De eloquentia sacra et humana» (1684) – в наших рукописных собраниях хранятся списки перевода этого сочинения под названием «О красноречии священном и человеческом». В 1706 году Феофан Прокопович писал, что сознание превосходства церковного красноречия перед светским должно выражаться в скромности, осмотрительности и набожности проповедника, в том, чтобы он «не как трибун всходил на кафедру, а как смиренный служитель Евангелия» («De arte Rhetorica»). Преподаватель риторики в Заиконоспасской академии (1709–1715) Иоаким Богомолковский отмечал, что христианская проповедь является «не ораторским словом, но выполнением религиозного служения, возложенного Спасителем на апостолов и их преемников. Проповедник должен не только учить добру, но и трогать сердца людей, будить в них добрые чувства, и таким образом вести их к добродетели, к вечному спасению»³. Сложность предстоящего нам анализа в том, что в современных условиях жизни информационного

---

³ Савицкий Д. Русский гомилетик начала XVIII в. Иоаким Богомолковский. Киев, 1902. Гл. IV. См. также статью: Яцимирский А. Церковное красноречие // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. 1890–1916. <http://www.vehi.net/brokgauz/>

общества Святейший Патриарх Кирилл – и проповедник, и общественный деятель (по-старинному «трибун»), от лица Церкви обращающийся к народу.

Называя Патриарха Кирилла «**стилистом**», нам хочется указать на наличие в его словесно-речевой деятельности «личного» (индивидуального) начала – того своеобразного характера в изложении мыслей и их словесном оформлении, который в науке называется **идиостилем**, а в человеке воплощает «образ Божий» – личность, которую «открыло в человеке именно христианство»⁴. Политическая риторика называет этот феномен «харизмой», деловая риторика объясняет как «лидерство» (оно всегда бывает речевым), но применительно к деятельности Патриарха этот феномен целесообразнее всего объяснить словами «глава Церкви». Затем необходимо честно искать ответа на вопрос: в чем сила и влияние того стиля общения, стиля мысли и речи, стиля эмоционального настроения, который предлагается в обращении и общении Патриарха Кирилла как со словесной паствой, так и с разными аудиториями, где он достойно несет крест «служения Богу»?

* * *

И все-таки несколько слов о **слове – речи – языке, риторике – словесности – стилистике**, не забывая о теме нашего исследования.

Провозглашая хвалу русскому языку, русской речи, «великому русскому слову», не стоит никогда забывать, что все беды человека от его слова-языка, и Священное Писание имеет множество подобных превентивных суждений о злословии, прекословии, празднословии и т. д. Так неужели «всяк человек – ложь» и всякое слово, следовательно, лживо? Понятно, что это происходит от первоначального прародительского греха, когда в человека вошли

---

⁴ Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Седьмых Рождественских чтениях. М., 1999. С. 3.

зло, лесть и обман, но свободная воля человека позволяет ему стремиться к истине и добру. Однако всякая речь есть только стремление к истине, но не конечная истина... На вопрос «Что есть истина?» у православного верующего есть ответ Господа: «Аз есмь Истина и Путь», но это не значит, что человек знает окончательный путь к истине. Чаще всего он только убеждает, спорит, доказывает свою «человеческую правду», и делает это обыкновенно в корыстных целях утверждения своего мнения и авторитета личности. Ценность человеческого слова-убеждения зависит от того, насколько в нем отражается Божья правда.

Эту изначальную греховность человеческого слова, склонность ко лжи, недостижимость абсолютного идеала и истины прекрасно понимали античные философы и теоретики риторики, когда писали о том, что в риторике «доказывается правдоподобное, а не истинное»⁵ – в зависимости от характера говорящего и настроения слушающего. Это положение и сегодня одних заставляет идти по пути софистического и манипулятивного обмана, других побуждает помнить, что речь, слово необходимо основывать на **нравственности** и **образованности**. Поэтому главное требование к ритору в античности – *vir bonus* (муж добродетельный), или, по Квинтилиану, «чтобы стать хорошим оратором, надо стать хорошим человеком»⁶; об образованности же пишет Цицерон: «Красноречие основывается на мудрости. Чтобы стать хорошим оратором, надо быть образованным человеком»⁷.

Отвечая на вопрос журналиста о влиянии личности Патриарха Кирилла на общественное мнение (не оттого ли, мол, это происходит, что «он блестящий оратор»),

⁵ *Аристотель*. Риторика... С. 14–18.

⁶ *Квинтилиан Марк Фабий*. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. С. 18.

⁷ *Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 118.

митрополит Иларион (Алфеев) делает акцент на «нравственном и духовном облике Патриарха»⁸.

Обращать внимание на «блестящее ораторство» без понимания того, что основой риторики как словесного искусства является нравственно-духовная сущность говорящего, стремящегося к «насаждению благих чувств... и высшей справедливости в человеческом обществе» (А. Ф. Лосев о платоновском понимании риторики), значит видеть в риторике только ее внешнюю «блестящую», ложно-красноречивую, манипулятивную сторону и не замечать главного – стремления в слове обрести истину через нравственно-духовное и интеллектуально-просветительское содержание.

Кстати, в риторике как науке термин «влиятельность» противопоставлен «эффективности»: эффективность предполагает достижение «блестящего» результата в сегодняшней речи или в совокупности речей по одному делу, а влиятельность «состоит в завоевании доверия и авторитета на будущее. Влиятельным называют того оратора, сама личность которого уже склоняет аудиторию в пользу его речи. Влиятельным оратором может быть только такой, речи которого принесли аудитории пользу и аудитория хорошо об этом знает. Можно выиграть в эффективности речи и проиграть во влиятельности... Влиятельность – важнейшее качество человека в обществе, определяющее его социальное место независимо от должности и звания.

Судьба человека ясно видна в его речах. Если человек пользуется разными видами речи искусно, если он влиятелен и его слушают, читают и с ним соглашаются, то такой человек определяет и свою судьбу, и судьбу многих людей»⁹. Это рассуждение Ю. В. Рождественского, восстанавливавшего риторику как теорию и практику убе-

⁸ Беседы с митрополитом Иларионом. М.: Эксмо, 2010. С. 73.

⁹ *Рождественский Ю. В.* Риторика публичной лекции. Серия «Лекторское мастерство». М.: Знание, 1989. С. 11.

дительной и целесообразной речи еще в советские годы, точно характеризует и результаты словесной деятельности Патриарха Кирилла. Но чрезвычайно важное добавление о целях публичных выступлений делает митрополит Иларион:

«Очень важно понимать, что в вопросах вероучения и нравственности он не выступает только от себя. Как Предстоятель Церкви Патриарх говорит и действует так, чтобы донести до людей истину, хранимую всей полнотой Церкви. Таким образом, мнение Церкви, высказанное Патриархом, уже само по себе имеет не частное, а общественное значение. Это в первую очередь и определяет влияние Предстоятеля, который неотделим от своей Церкви, и его высказываний относительно жизни всего общества»¹⁰.

Прежде чем приступить к анализу «риторики» как совокупности речей и текстов Патриарха Кирилла, уточним, ЧТО такое риторика и как могла бы исследоваться деятельность «ритора».

Проследим эти определения сущности риторики применительно к нашей теме словесного пастырства в Русской Православной Церкви.

Риторика в античности определяется как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета»¹¹. Поэтому риторика – универсальное учение, имеющее отношение к каждому человеку, чем бы он ни занимался, поскольку каждому приходится убеждать кого-то в чем-то. Убеждение зависит от трех факторов: характера говорящего, настроения слушателей и самой речи. Для убеждения надо «выказать себя человеком известного склада», т. е. создать определенный «образ оратора», «образ говорящего». Эти классические мысли имеют прямое отношение к деятельности современного церковнослужителя, от простого священника до Патриарха: все мы попадаем в определенные ситуации общения,

¹⁰ Беседы с митрополитом Иларионом... С. 73.

¹¹ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 19.

когда в соответствии с определенной жизненной позицией и мировоззрением необходимо доказать, переубедить, вселить настроения веры, надежды, любви, – и очевидно, что вся пастырская деятельность осуществляется только словом. Именно поэтому и Святейший Патриарх Кирилл призывает к общению, умению говорить, особенно с молодежью, «ясным и доступным языком».

Лучшие риторические сочинения античности выразительно свидетельствуют, что в основании как образа ратора, так и его речей должен лежать некий нравственный идеал, поэтому в риторике всегда существовало понятие «ораторских нравов» – требований к нравственному и профессиональному характеру человека, которых следует придерживаться в том или ином роде деятельности. Любопытно, что здесь могут быть как общериторические, так и профессионально-риторические требования к качествам, которыми должен обладать человек в том или ином роде деятельности (у воина – решительность, быстрота и смелость; у судебного оратора – рассудительность, остроумие и ловкость; у учителя – благочестие, смиренномудрие, требовательность, скромность при любви к ученикам). В античном идеале человека говорящего перечисляются следующие добродетели: *справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость*¹². Что же сделало христианство? Оно принципиально перестроило качества этой образцовой личности в Заповедях блаженства, сказав, что «блаженными» становятся *нищие духом, кроткие, алчущие и жаждущие правды, чистые сердцем, милостивые*, – парадоксально и так непонятно до сих пор для большей половины человечества...

Первая русская риторика 1620 года определяла риторику как «науку, которая научает пути правого и жития

¹² См.: *Аристотель. Риторика // Античные риторика. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 43.*

полезного добрословия»¹⁵. Софроний Лихуд говорил о божественном происхождении риторики как искусства слова: «Риторика есть семя небесная и луча из источника вечного света источена»¹⁴. Как указано выше, владеющие риторикой «мнятся» быть подобными «умом небесным (созданиям), сииречь ангелам», но особенно выразительно следующее сравнение (приводим, заменяя некоторые устаревшие слова): «Душа есть образ Божий, Бог есть душа, риторика есть Божественна. Как Бог в мире и душа в теле, так риторика в жизни гражданской. Он (Бог) отлучен от всякого телесного сложения, сия (душа) вся дух есть, а риторика – светлый плод изящнаго ума. Бог видит всё, но не видится; душа зрит вся, но не зрится; риторика объемлет вся, но довольно не объемлется. Бог пребывает везде, во всех сторонах вселенной; душа во всех тела удах разделена; риторика же, сплетена сущи неким общим союзом, вся художества и учительства преходит...»¹⁵ То есть риторика объединяет все науки и искусства, поскольку все они выражают себя через слово, – и эта мысль будет повторена В. К. Третьяковым в «Слове о витийстве» 1745 года, став общим местом для всего допетровского и постпетровского образования в России, поставив риторику в центр словесного воспитания человека.

Первая научная риторика написана М. В. Ломоносовым, ясно различившим в первом, рукописном, и втором, печатном, изданиях слова «риторика» и «красноречие»: **«Риторика есть наука (1-й, рукописный, вариант). Красноречие есть искусство (2-й, печатный, вариант) о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению»**¹⁶. Эта поправка

¹⁵ Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет: ЧеРо, 1999. С. 21.

¹⁴ Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 1998. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89.

в нашем исследовании важна, потому что для каждого человека встает решительный вопрос о возможностях риторического обучения и воспитания: что главное – талант, способности или труд, учеба, наука, эрудиция? Впрочем, М. В. Ломоносов среди «средствий к приобретению красноречия» называл и «природные дарования, и науку, и подражание авторам, в красноречии славным, и упражнения, и знания других наук»¹⁷.

Вершиной развития риторики в дореволюционной России следует считать вторую половину XIX века, когда в частной риторике давалась классификация всех наук, и именно в риторике как «энциклопедии русской жизни» велась подготовка ко всем сторонам прозаической профессиональной деятельности: военной, политической, учительской, церковной и т. д. Самый яркий пример – общая и частная «Реторики» Николая Федоровича Кошанского, воспитавшего словесно первых царскосельских отроков: Пушкина, Дельвига, Горчакова и др. Это он, как показывают открывшиеся свидетельства, готовил лекцию «О преимуществах Российского слова» к Дню открытия Лицея 19 октября 1811 года¹⁸, и именно его «логические» идеи совершенствования «силы ума и дара слова» говорили юным лицеистам о силе Божественного Разума, прозрачно обращая к известному для всякого человека XIX века месту Священного Писания, где говорится о необходимости «быть совершенным, как совершенен Отец наш Небесный».

Вот начало «Общей реторики» Н. Ф. Кошанского с рассуждением о возможностях мысле-словесного обучения:

«§ 1. Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Эти две способности неразлучны; они образуются вместе и общими силами

¹⁷ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89.

¹⁸ Аннушкин В. И. О преимуществах русского слова. Речь Н. Ф. Кошанского 19 октября 1811 года. М.: Форум, 2015.

ведут человека к совершенству, к великой Небом указанной ему цели»¹⁹.

К сожалению, советское литературоведение не смогло по достоинству оценить этих выдающихся педагогов-мыслителей, воспитателей словесного юношества, воспевавших монархов и «хвалу Господеви моему», тем более что с середины XIX века в моду вошли другие идеи: главным творцом языка был объявлен художественный литератор-поэт, все риторика названы передовой журналистикой (революционерами-демократами) «пошлыми и вульгарными» (так писал о риториках «неистовый Виссарион») ²⁰... Русская словесность постепенно преобразовывалась в науку об изящной (художественной) литературе, из филологии ушло внимание к устным формам прозаической ораторской речи – она все больше ограничивалась учением об уровнях языка (языкознанием) и вниманием к формам «прекрасного» и «вымышленного» в речи (литературоведению и театру). Не отсюда ли та слабость от невладения реальным прозаическим словом, легкость введения наших соотечественников словом в обман, с которой русское общество вначале восприняло разрушительные идеи атеистической революции, а семьдесят лет спустя не смогло противостоять разрушительным волнам риторики информационно-психологической войны, которую искусными методами ложно-льстивого слова вел против нашей страны Запад?

Итак, **риторика – наука о правилах и закономерностях создания и ведения реальной прозаической речи**. Она изучает не только общие законы создания содержания, композиции, слововыражения и произношения, но и правила создания отдельных видов

¹⁹ Кошанский Н. Ф. Риторика / Издание подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 39.

²⁰ Белинский В. Г. Общая риторика Н. Кошанского. 7-е изд. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 445–446.

прозы (не только ораторской, но и разных видов диалогов, документов, сочинений, а сегодня – речи СМИ и Интернета). Словесная деятельность Патриарха Кирилла как влиятельного современного церковного и общественного ратора требует такого рассмотрения в рамках законов и правил ведения речи.

Риторика – искусство прозаической речи, требующее развития таланта и способностей в каждом человеке. Если человек не хочет «зарыть талант в землю», он должен стремиться развить и усовершенствовать себя в «силе ума и даре слова». Речевой талант имеется в каждом человеке: у одного – талант политика, у другого – талант предпринимателя, у третьего – талант поэта, у четвертого – воина, у пятого – учителя, но какую бы интеллектуальную профессию человек ни выбрал, везде к профессиональным знаниям требуется умение выразить эти знания в слове и организовать общение с помощью эффективной речи или просто хорошего русского языка. Успех в каждой карьере «усыпан цветами красноречия» (А. П. Чехов), но не того цветастого красноречия, которое вызывает иронию и тихую издевку, а оптимально и эффективно построенного общения и уместно создаваемого образа ратора, любовно, мудро, правдиво, искусно соединяющего, с одной стороны, молчание, паузы в общении, умение слушать, с другой стороны, искусство говорить честно, убедительно и выразительно. Характерно, что словесная деятельность Патриарха Кирилла, протекающая у всех на виду, – яркое и своеобразное свидетельство реализации человеческого таланта, воплощения способностей как результата воспитания, образования, всего жизненного опыта человека, посвятившего свою жизнь Богу.

Риторика – теория и практика совершенной речи: убедительной, украшенной, уместной, эффективной, целесообразной и т. д. Каждое из перечисленных качеств может быть взято под сомнение, поскольку всякая речь может быть обращена, что называется, «во зло»: убедительность речи может обернуться желанием мани-

пулировав слушателями, красота речи может обернуться «ложным красноречием», эффективность – желанием добиться своей цели в ущерб слушателю, о чем последний не подозревает, «цель» речи может быть как благородной, так и сомнительной... Кстати, слова об убеждении и убеждениях часто звучат из уст Предстоятеля:

«Я думаю, роль и значение Церкви – смиренно осуществлять свое служение, никогда не пытаюсь использовать властный потенциал для воздействия на человеческие умы. Внутренняя жизнь человека предполагает свободу выбора, поэтому голос Церкви должен быть убедительным, но убедительным не потому, что он властный и сильный, а потому, что он праведный».

Словосочетание «сила слова» звучит сегодня на всех перекрестках, ибо множество «специалистов-тренеров» готовы научить владеть словом, научить ораторскому искусству – оставим их потуги на их совести. Только у Патриарха Кирилла «сила слова» звучит в следующем синонимическом ряду: «Сила слова, сила духа, сила молитвы, сила убеждения...»

Изучение и знание риторики позволяет нашим современникам оградить себя от опасности, которую может нести с собой «живый» ритор. Но, пожалуй, лишь в термине **«уместность»** можно не сомневаться: еще Цицерон писал о том, что «уместность – главное качество речи», и, предвосхищая анализ речей и слов Патриарха Кирилла, не можем не сказать, что именно это качество зрится как основная характеристика его общения с разными аудиториями. Еще более важным представляется эпитет «совершенная» речь, ибо понятно, что несть абсолютно совершенства в смертном человеке, но можно сказать с абсолютной уверенностью: есть образцы речи конкретных ораторов (ученых, писателей, священнослужителей), на которые ориентируется общественное сознание; есть содержание и стиль речи, с которыми соглашается большинство общества и которым невольно подражают, чьих высказываний по разным вопросам ждут и на чью деятельность, конечно, ориентированы мысль и язык обще-

ства. Эта ориентация имеется и в современном российском обществе: когда есть абсолютная поддержка таких «речевых» образцов большинством людей, общество начинает жить в положительном единстве взглядов и может оптимистично смотреть в будущее.

Риторика – учение о речевом воспитании личности человека. Можно не соглашаться с «риторикой как наукой», но нельзя отрицать, что образование (обучение и воспитание) человека осуществляется только **словом**. Слово есть инструмент передачи мысли, способ выражения эмоционального отношения, и никакое знание не может быть вложено в ученика, если учитель (преподаватель), передающий знание, или родители, воспитывающие детей, не являются хорошими «риторами-педагогами», способными вступить во взаимозаинтересованное общение со своими учениками и детьми. Одна из главных причин, почему аудитория так внимательно слушает Патриарха Кирилла, это его очевидная заинтересованность в том, ЧТО он говорит, и то, КАК он общается с аудиторией, выказывая любовное и требовательное отношение к собравшимся в любом месте и в любое время.

Риторика – теория и практика речи современного развитого информационного общества, предполагающая изучение большого массива текстов, включенных в культуру: от бытовой речи до речи средств массовой информации. Развитая языковая личность должна быть хорошо образованна и ориентирована в разных видах словесности, понимать их природу и владеть навыками эффективного общения. Задача филологической науки – отбор, классифицирование и описание текстов словесной культуры, т. е. таких текстов, которые являются влиятельными и образцовыми (прецедентными), могут включаться в обучение и через образование обеспечивать связь поколений и возможность продуктивной деятельности общества.

Применительно к отдельной личности эта задача решается через анализ всей совокупности текстов (слов, речей, документов, диалогов разного жанра и т. д.) данно-

го ротора (в нашем случае Патриарха Кирилла) – задача, кажущаяся неразрешимой, однако именно она представляет собой основу для полноценного филологического (словесного) анализа речевой деятельности и образа говорящего или пишущего.

Риторический канон как основание для анализа текстов

Наш дальнейший анализ словесной (риторической) деятельности мы строим на основе разделов риторической науки или риторического канона – примерно та же схема должна включать и анализ культуры речи как науки о правилах и законах хорошей и правильной речи. Эти разделы или части риторики (в классической науке они назывались «должностями ротора») предполагают сегодня следующую последовательность анализа, который должен выстроить совокупный образ ротора:

1) **условия создания речи** (то, что называется **этносом**) – правила и традиции в организации обстоятельств речи: время и место ее создания, планируемая тематика речи, то есть то, что можно назвать «внешними правилами словесности». Эти правила еще не зависят или не проявляют искусство речи говорящего, но они уже предполагают анализ **видов и жанров речи**, в которых участвует ритор. От того, как будут спланированы эти внешние обстоятельства речи, зависит успех целой речи;

2) **изобретение идей**, аргументация и содержание речи, иначе говоря, состав мыслей и способов создания речи – то, что в риторике осмысливается под именем **топосов – общих мест**, которые творчески создает оратор, добываясь согласия аудитории с его мнением;

3) **композиция** речи (ГДЕ сказать?), предполагающая деление речи на части. Этими «частями речи» в риторике традиционно назывались *обращение*, введение в *тему* речи (так составляется *введение* или *вступление*, призванное «благорасположить» слушателей), *описание*, *повествование*,

рассуждение-доказательство, опровержение-антитеза (это основные «части речи»), *вывод-резюме* и эмоциональный «*призыв*» как подведение итогов речи (*заключение*). Анализ современной речи значительно затруднен, поскольку эти «части» в значительной мере бывают перемешаны друг с другом, но мы увидим, как строгость и ясность мысли в разбираемых ниже речах выстраивают и четкую последовательность в расположении частей композиции речи;

4) **стиль речи** (КАК сказать?), предполагающий создание и последующий анализ **слововыражения (выбор слов)** и **соединения слов в предложении, фразе, абзаце** (для риторики особенно важны вопросы фигур речи – конструкций, которые обеспечивают ее украшение). Совершенствование стиля речи зависит от владения ритором нормативным литературным языком и способности создавать собственный **идиостиль** – своеобразный характер использования выразительных средств речи;

5) **память** как свидетельство эрудиции ратора и способности использовать накопленные знания в воспроизведении речи. Память предполагает сосредоточенность и умение сохранять в сердце (орган мысли!) множество фактов, цитат, крылатых выражений, а иногда и целых текстов. Впрочем, ничто так, как Церковь, не может воспитать ратора, удерживающего в памяти тексты молитв, тропарей, акафистов, последовательности всей службы, и одновременно соединять обращение к письменному тексту с «тренировкой» устной речи, когда звучит голос священнослужителя;

6) **произношение и телодвижение** – то, что традиционно называлось *pronunciatio* и включало работу над голосом, звуками, движением во время речи, глазным контактом, мимикой и жестами. Эта важнейшая часть риторического канона оценивалась многими теоретиками как главная при восприятии речи (так, Демосфен называл главным в риторике «произношение, произношение и еще раз произношение»), однако очевидно, что хотя «успешное» произношение может усладить и расположить слушателей, но оно еще ничего не говорит о сути речи – ее содер-

жании. Тем не менее говорящий человек должен понимать и помнить, что его восприятие начинается не с собственно речи, а с внешнего облика (появления, глазного контакта, пластического движения), поэтому данный раздел риторики, касающийся общения ратора с аудиторией, чрезвычайно важен. Часто ратора не слушают, потому он обладает неприятным голосом, говорит излишне тихо или излишне громко, слишком быстро или, напротив, медленно, – и здесь требуется гармония речевого выражения и «золотая середина». В старинных риториках об этом писали очень остроумно: «Аще ритор гугнив, заиклив, борботлив, шепетлив, сей не может ритор быти». Впрочем, все равно «встречают по одежке, а провожают по уму», выраженному в речи...

7) **речевая эмоция** – эта часть не названа в риторическом каноне, но она всегда присутствует в лучших учебниках риторики. И Аристотель, посвятивший «страстям» целую главу с поразительными наблюдениями над природой рождения любви, ненависти, гнева, милости, радости, печали²¹; и Цицерон, полагавший, что «вся сила и мощь красноречия состоит в возбуждении страстей»²²; и М. В. Ломоносов, создавший учение о «возбуждении страстей», с определениями и примерами относительно каждой «страсти»²³; и М. М. Сперанский, до начала своей блестящей карьеры написавший в Санкт-Петербургской духовной академии учебник «Правила высшего красноречия» (1792), начинавшийся словами: «Основания красноречия суть страсти»²⁴, – все эти авторы описывают «страсти» как речевые эмоции («чувствования»), рождаемые речью.

²¹ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 193.

²² Там же. С. 38.

²³ Ср.: «Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение» (Ломоносов М. В. О возбуждении страстей // Краткое руководство к красноречию... С. 344).

²⁴ Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб., 1843. С. 1.

Современные теоретики риторики, увы, немного добавили к систематизации и описанию видов эмоций, если не считать краткого и емкого описания Ю. В. Рождественским типов «речевых эмоций»²⁵. Главная идея автора состояла в том, что все наши основные эмоции, которые мы переживаем в отношениях с людьми, являются следствием речевых контактов, например, симпатия, дружба, любовь возникают и сохраняются как следствие регулярных речевых связей и, напротив, разлад в человеческих отношениях означает прерывание этих связей.

Наведение эмоций (чувств) на аудиторию, способность вызвать нужное отношение к своей речи являются центром отношений оратора и слушателей, поскольку доверие и благорасположение ритора к слушателям, как и благожелательный настрой слушателей к говорящему, имеют колоссальное значение для общего результата речи. Все чувства, эмоции (по-старинному «страсти») всегда связаны с речью и делятся на положительные и отрицательные – именно в риторике рождение тех или иных эмоций решает дело. Кстати, слово «страсть», имеющее в православии значение «неверное, греховное расположение духа», весьма точно и ярко свидетельствует о характере речи в большинстве видов нашей профессиональной риторики, как и о деятельности многих «тренеров по ораторскому искусству» (их именами и рекламами просто «забит» Интернет!), которые прежде всего стараются воздействовать на эмоции слушателей, как правило не обученных противостоянию ложным способам убеждения. В церковной риторике, или гомилетике как науке или искусстве проповедования Слова Божия, напротив, требуется пробудить все «добрые чувства», и прежде всего любовь, которая «долготерпит, милосердствует, не гордится, не завидует, не раздражается, не ищет своего...» – все перечисленные апостолом Павлом эмоциональные состояния так или иначе

---

²⁵ *Рождественский Ю. В.* Риторика публичной лекции. М., 1989.

связаны со словом и речевыми поступками, в которых эмоции обретают свое воплощение.

Вышеперечисленные внешние и внутренние характеристики говорящего в совокупности составляют **образ рителя**. Их последовательный анализ позволяет выстроить контуры этой категории применительно к словесной деятельности Патриарха Кирилла.

Условия речи и жанристика: предварительные замечания

Систематизация и классификация текстов Патриарха Кирилла (слов, речей, документов) – задача сложнейшая, ибо обозрение текстов, столь великих по объему, ставит перед исследователем задачу почти невыполнимую: только в 2014 году, как отмечается Ю. Ю. Кабанковой (см. главу 4), Патриархом Кириллом произнесено (официально записано) около 170 выступлений. В сущности, Святейший Патриарх выступает почти ежедневно (и риторика называет эту проблему, знакомую каждому из нас, оптимальной/неоптимальной речевой нагрузкой): с проповедями, обращениями, посланиями, интервью, иногда эти тексты сокращаются до кратких высказываний, которые звучат в СМИ. Вся эта совокупность речей или текстов и есть словесно-речевая деятельность Патриарха. Понятно, что в эту словесную деятельность включен огромный спектр людей (аппарат и пресс-служба Патриарха), которые помогают готовить речи, выступления, послания, – и эта спичрайтерская помощь есть отметина нашего перегруженного информацией и общением времени. Очевидно лишь то, что каждый из авторитетных речедеятелей-риторов (будь это президент, или Патриарх, или руководитель крупной политической партии или компании) несет личную ответственность за сказанное или написанное, потому что текст исходит от его лица.

И если общая филология разделяет устные тексты на культурно значимые (хранящиеся в культуре для

последующего прочтения и пользования) и забываемые, не имеющие этого культурного значения, то, поскольку Патриарх выступает от лица Церкви, его тексты неминуемо рассматриваются как входящие в современную культуру. Свидетельством этой культурной фиксации являются публикации текстов Патриарха – сравните с текстами иных наших политических деятелей, которые лишь «мелькают» на телеэкране как «медиазвезды», но их речи, слова, тексты остаются эффектными однодневками, «факирами на час», «умирающими» в памяти после их произнесения, несмотря на всю их эмоциональность, выразительность и даже агрессивность. Таков наш телевизионный контент, создающий стиль мысли, слова и жизни в целом только на «сегодняшний день», а хотелось бы соединить «временное» и «сегодняшнее» с культурно фиксируемым, претендующим на «вечное».

Здесь перед современным информационным сообществом встают очень интересные проблемы, требующие практического решения: тексты авторитетных лиц (руководителей государства и политических партий, высшего духовенства, представителей деловой элиты) звучат в СМИ, фиксируются на видео и выставляются в Интернете, ограничивая этим их представление интересующемуся пользователю. Отсутствие письменной печатной фиксации, или выборочная фиксация только отдельных «значимых» для конкретного издания частей текстов лишает читателя-пользователя возможности полноценного осмысления деятельности того или иного ратора (политика, общественного деятеля). Тексты Патриарха в подавляющем большинстве случаев расшифровываются для прочтения – и это также факт словесной культуры аппарата Патриарха (прежде всего пресс-службы) – говорим об этом постольку, поскольку большинство видеосюжетов в Интернете так и остаются «видеосюжетами», а иные тексты и вовсе не попадают в поле зрения аудитории.

Классификация жанров речи Патриарха Кирилла возможна на основе упоминаний разных типов текстов, которые реально называются при их именовании. Прежде

чем называть эти жанры, целесообразно попытаться представить области деятельности Святейшего Патриарха. Здесь нам не надо «мудрствовать лукаво», потому что ответ можно найти в самих речах Святейшего: «Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного, частного: он сам и вся его жизнь без остатка принадлежит Богу и Церкви, его сердце болит о народе Божиим, особенно же о тех, кто отпал от церковного единства и кто еще не обрел веру. Патриаршее служение является особым духовным подвигом. Этот подвиг невозможно нести в одиночку или при поддержке ограниченного круга единомышленников. В этот подвиг через молитвенное общение и соборное делание вовлекается весь епископат, вся полнота Церкви со всем многообразием дарований, присущих ее членам»²⁶.

В словах «молитвенное общение и соборное делание» четко и ясно обозначена «словесная» деятельность Патриарха! На первом месте стоит «служение Богу и Церкви», поэтому главное в жизни как Святейшего Патриарха Кирилла, так и всякого православного христианина – «служение Богу» в отправлении Божественной литургии в храмах Божиих. Это служение Богу и есть лучшее служение человеку, его духовному и физическому состоянию, благоустройству через спасение, преодоление скорбей, несение Креста. Возможно, это как раз то, что так трудно понять и от чего отмахиваются люди, равнодушные к вере (хотя каждый во что-то верит), но так называемый «антропологический подход», восхваляемый в современной науке как «передовой принцип», – путь явно недостаточный, если в нем отсутствует духовно-нравственная основа, принесенная человечеству Словом Божиим.

Таким образом, две основные области деятельности Патриарха Кирилла – церковно-проповедническая (служение Богу и Церкви) и общественно-народная («боль о народе Божиим»). Вопрос установления жанристики

---

²⁶ *Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М., 2009. С. 76.

речей-текстов Патриарха Кирилла решается через исследовательский анализ именованных текстов или их групп, который делают составители речей и выступлений Патриарха, в том числе на церковных сайтах, освещающих деятельность Патриарха. Так, сайт patriarchia.ru называет эти разделы: *Приветствия и обращения; Интервью; Послания; Проповеди; Документы; Слово пастыря.*

Стоит внимательно просмотреть книги с текстами Патриарха. Мы увидим: в них преобладает жанр «слова». Особенно наглядно это проявлено в «Собрании трудов», очень точно отражающем существо деятельности Патриарха (и в этом смысле, конечно, точно найдено название известной телепередачи): почти все тексты имеют жанр «слова». Как правило, это «Слова по окончании Божественной литургии» или «Слова в канун праздника». Жанр «слова» – монологический жанр, речь, произносимая по поводу настоящего события (как правило, праздника) и содержащая описание события и духовно-назидательный комментарий. Но мы бы обратили внимание прежде всего на ту удивительную многозначность слова «СЛОВО», к которой мы все привыкли и которую не очень-то отмечают коллеги-лингвисты. Слово – это и Бог, слово – это и «логос» (мысль и речь), слово – это и основной жанр церковной проповеди, «словом» может быть назван и всякий общественно значимый монолог, слово – это и лексема для обозначения звуками определенного понятия²⁷. Эта омонимия – закономерная историческая загадка.

Попытки выстроить группы жанров речей Патриарха Кирилла с их анализом содержатся в последующих разделах настоящей книги. Так, Ю. Ю. Кабанкова выделяет пять больших групп, в каждой из которых – в соответствии с характером аудитории и задачами речи – выстраивается свой образ оратора:

²⁷ Парадоксальны стихи современного поэта-филолога Виктора Коллегорского: «НЕ ищи определения слову – его нет. Слово – везде и нигде, слово – ни то, ни другое, слово – это слово».

1. Проповеди – образ проповедника – духовного пастыря
2. Напутствия – образ наставника священнослужителей-архиереев
3. Обращения общецерковные – образ руководителя церковной организации
4. Обращения к общественности – образ общественного деятеля
5. Выступления в СМИ – медийный образ миссионера (с. 178)

Не исключаем, что возможно построить и несколько другую классификацию речей и текстов Патриарха Кирилла, для нас важно отметить две принципиальные особенности: во-первых, в каком бы жанре ни выступал Патриарх как ритор (говорящий или пишущий), всегда сохраняется **цельность духовно-нравственного и интеллектуального облика ратора** (это одно из главных требований к образу ратора!), единство неизменных взглядов; во-вторых, **многообразие** жанров, которые мы попытаемся ниже рассмотреть как факты «называния» жанров самими организаторами речевых ситуаций, будь это церковные организации, или государственные, или СМИ. Отметим и третье: в единстве образа и верности своим взглядам искусный ритор всегда соответствует требованиям **новизны** и даже некоторой **парадоксальности** суждений – при абсолютной логике суждений и аргументов.

Цельность, разнообразие и новизна как общериторические требования к образу ратора требуют теперь конкретного разбора. Начнем с разнообразия ситуаций общения, которого требует многогранная деятельность Патриарха. Эта риторическая проблема сформулирована выше как проблема **речевой нагрузки**, и, безусловно, каждый современный человек прочувствовал ее на себе как колоссальный объем информации, множество дел (а все дела «речевые», связанные с общением – устным, письменным, теперь еще и электронным). Деятельность Патриарха как главы Церкви и влиятельного общественного деятеля

фантастически разнообразна, и обыкновенному наблюдателю подчас попросту не под силу представить информационно-речевую нагрузку, которую несёт Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Между тем эта нагрузка и есть тот самый «крест служения» Богу, Церкви и православному народу Божию, о котором говорит сам Патриарх. Филологическое исследование этой «нагрузки» не должно касаться глубины вопросов богословских, но предполагает выяснение классификации текстов, систематизации этой массы речей и их содержательно-стилистического анализа. Не претендуя на окончательный вывод, покажем лишь методологию такого анализа.

Жанристика текстов Патриарха Кирилла выясняется из названий его трудов: если главное дело жизни Патриарха, как он сам это определил, «служение Церкви», то очевидно, что основной тип речи, в котором главный «словесный пастьрь» нашей Церкви «правит слово Истины», это «слово». И прежде всего – это **слово церковное**. Многогранность деятельности Святейшего Патриарха Кирилла определила и названия двух вышедших серий: «Слово Предстоятеля» – серия I, том 1, где содержатся материалы официального характера за первые три года со дня интронизации. Серия II имеет название «Слово пастьря», тезоименитое известной телепередаче и соответствующее служению Святейшего Патриарха как проповедника. В этот том вошли Пасхальные и Рождественские послания, проповеди, обращения к читателям СМИ и телезрителям, интервью в эти праздники, а также великопостные проповеди за эти годы.

Напряженная деятельность Патриарха включает, прежде всего, **проповеди-«слова»**, произносимые после совершения Божественной литургии, и различные «слова»-выступления, произносимые по разным случаям или общественно значимым поводам. Основная проповедническая деятельность Святейшего Патриарха включает «слова», произносимые либо по окончании Божественной литургии, либо за Божественной литургией, – таких «слов»-проповедей большинство в «Собрании трудов»,

именуемом «Слово пастыря» (серия II, том 2). Безусловно, данные «слова» должны быть отнесены к области гомилетики как науки о проповедовании Слова Божия. Гомилетика как церковное ораторство представляет собой особый вид публичного ораторства или частной риторики, состоящий в искусстве произнесения *проповеди* во время церковного богослужения. Возможно, в разряд гомилетики можно было бы включить *исповедь* как жанр церковного диалога священника с христианином (как мирянином, так и лицом духовным), приносящим покаяние, но не исключено, что более точным было бы понимание **церковной словесности** как **совокупности текстов, в которых принимает участие современный служитель Церкви**. В таком случае современная гомилетика как вид церковной словесности уже не ограничится только искусством проповеднического монолога (как раньше), а должна будет включить всю профессионально-речевую нагрузку священника как служителя Церкви, ведь многообразие его деятельности сегодня не ограничивается только речью с амвона, но, как и требует того Святейший Патриарх Кирилл, предполагает «хождение в народ», общение, разговор с верующими «доступным и понятным языком».

Развитие современной информационной цивилизации привело общество к огромному разнообразию форм речи, тем не менее законы культуры требуют сохранения основных жанров и на их основе творческого формирования новых видов общения с использованием всего лучшего опыта прошлого. Так, например, **телевизионные беседы** Святейшего Патриарха Кирилла, завоевавшие популярность еще в бытность его митрополитом Смоленским и Калининградским, являются **новым жанром церковного беседования**, только пастырь теперь находится не в окружении десятка или нескольких десятков слушателей, а обращается к сотням тысяч. В то же время в телестудии при записи слушатели отсутствуют, и такой формат общения требует известных навыков риторической деятельности... Вопросы в телепередаче задаются

не «напрямую», но получают редакцией по почте и, конечно, отбираются по консультации с самим ведущим; ведущий же (по законам организации речи на телевидении) должен особо чувствовать время, отведенное ему для диалога с массовой аудиторией, чтобы успеть ответить, расширив речь и вовремя ее закончив.

Чувство времени – особый профессиональный навык ратора во время ведения речи, ибо он должен не только успеть всё сказать, но и вовремя поставить точку. Патриарх Кирилл выдерживает этот закон уместной продолжительности высказывания, успевая выстроить как содержание, так и все части композиции речи.

Каковы же самоназвания «жанров текстов» Патриарха? В фундаментальном «Собрании трудов. Слове пастыря» отмечается единство жанров – там имеются только «Слово по окончании Божественной литургии» и «Слово за Божественной литургией», разбавленные «Обращениями к читателям газеты „Коммерсант“». Составители «Собрания трудов» выбрали не хронологический, а **тематический** принцип распределения «слов» Предстоятеля по церковным праздникам, поэтому деление на разделы оказалось весьма удобным для пользователей, желающих найти «слова» на определенные праздники: сначала идут «Слова в Господские праздники» (Обрезание Господне, Крещение Господне, Сретение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Преображение Господне, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня); затем – «слова» в Богородичные праздники (Собор Пресвятой Богородицы, Благовещение, Положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне, Успение, Рождество Пресвятой Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Богородицы); затем – «слова» во дни от Святой Пасхи до Пятидесятницы; «слова» во дни празднований в честь чудотворных икон Божией Матери; «слова» во дни воскресные и памяти святых; «слова» по разным случаям.

Обратим внимание на то, что в иные дни Святейший Патриарх Кирилл произносит по несколько «слов»-речей.

Так, 16 июля 2011 года, в день памяти перенесения честных мощей святителя Филиппа, Митрополита Московского и всея Руси, он произнес три «слова» – за Божественной литургией в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля, там же по окончании Божественной литургии и перед освящением иконы святителя Гермогена. Но, впрочем, такая словесная нагрузка Предстоятеля, выражающего мнения «полноты Церкви», для всех очевидна.

Подробное выстраивание «всех жанров» речей Патриарха – задача для фундаментального исследования, и отчасти она решается другими авторами нашей книги. сошлемся лишь на разнообразие, которое вполне реализовано еще в первом томе «Собрания трудов», посвященном материалам «официального характера, отражающим Патриаршее служение в первые три года со дня Интронизации»²⁸. В них отмечены и доклады Первосвященителя на Архиерейском совещании 2010 года и Архиерейском Соборе 2011 года, и доклады на трех Епархиальных собраниях г. Москвы, и выступления на пленумах и президиумах Межсоборного присутствия и заседаниях Высшего Церковного Совета, и «слова» при вручении архиерейского жезла новопоставленным епископам.

В сущности, думаем, для читателя важна не столько научно построенная комбинация жанров речей Патриарха Кирилла, а то разнообразие и видение степени речевой нагрузки, которую испытывает Патриарх как современный церковный ритор. Особенно это разнообразие ощущается в поездках. Достаточно просмотреть, например, описание поездки Святейшего Патриарха Кирилла на Украину 27 июля – 5 августа 2009 года, чтобы почувствовать в содержании и объеме комментариев колоссальное богатство жанров и ситуаций, в которых приходилось Его Святейшеству «править слово истины». Этот перечень жанровых

---

²⁸ *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Слово Предстоятеля (2009–2011). Серия I. Т. 1. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012.*

ситуаций особенно впечатляет сегодня, когда мы знаем о случившемся на Украине несколько лет спустя:

- Беседа с украинскими журналистами перед началом визита;
- Слово после молебна на Владимирской горке в Киеве;
- Слово у мемориала жертвам массового голода в Киеве;
- Проповедь в день памяти святого князя Владимира;
- Слово после литургии в Киево-Печерской лавре;
- Выступление в эфире украинского телеканала «Интер»;
- Встреча с интеллигенцией, духовенством и преподавателями Духовных школ;
- Интервью телеканалу «Вести»;
- Слово в Святогорской Свято-Успенской лавре в Донецкой области;
- Слово в Никольском кафедральном соборе в Горловке и т. д.

Затем поездки в Крым, Ровно, Луцк, наконец, в Почаевскую лавру Тернопольской области. Конечно, и здесь главенствует «слово» Патриарха, но какое разнообразие жанров: и беседа с журналистами, и выступление на телевидении, и интервью, и встреча с интеллигенцией, а «слова» произносятся не только в храмах и монастырях, но и у памятников-мемориалов.

Изобретение идей и аргументация: основные топосы как средства доказательства и развития речи

В словесно-риторической деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла более всего поражает не внешняя сторона его служения (хотя она готовит воздействие слова Предстоятеля), а внутренняя, содержательно-аргументативная. Описать ее – значит войти

в богатство духовно-нравственного и общественно-культурного содержания слов-речей, рассмотреть принципы аргументации и убеждения аудитории, используемые в текстах Патриарха Кирилла.

В риторическом анализе эта задача выполняется через анализ основных идей – **общих мест** (по-гречески **topos communis**) – **топосов**, относительно которых оратор добивается согласия со слушателями в целях убедительного воздействия на них своей речью. Риторический термин **общее место** не несет отрицательных коннотаций, – напротив, в соответствии со своей этимологией данный термин объясняется как «общее», относительно которого обнаруживается сходство взглядов оратора и слушателей. И тогда ясно, что аудитория бывает убеждена общими духовно-нравственными и философскими положениями, которые считаются общепринятыми в данном социуме. Однако эти идеи невозможно подать банально, невыразительно, упрощенно, ибо «нет ничего скучнее банальных истин» – и именно этого должен избегать хороший ритор. Нельзя перегнуть палку и в другую сторону, когда оратор слишком оригинален и поражает воображение своими аргументативными находками-идеями (и таких ораторов много в нашей политической практике!), но в конечном счете «умная» аудитория не идет за таким ритором, ибо чувствует опасность обмана. Задача корректного ритора – предложить слушателям аргументативные идеи (общие места) своей речи в новой, стилистически привлекательной, уместной форме. Поэтому изобретение идей – творческая деятельность, требующая от ритора остроумия, находчивости и эрудиции.

Второе значение общих мест – топосов состоит в том, что **топосы** являются **способами создания содержания речи**. Осознание важности этой категории имеет первостепенное значение в обучении риторике. Классическая схема обучения по топосам состояла в том, что ритор должен был уметь последовательно развивать свою аргументацию, предлагая после вступительного **обращения** (его цель – добиться «благоволения» слушателей) вначале **определе-**

ние-описание предмета своей речи, затем указание **причины** (почему тезис верен), затем возможно **сравнение**, затем может следовать **опровержение (антитеза)**, затем – **пример** в подтверждение приведенной аргументации и наконец – **свидетельство** как мнение (цитата, крылатое выражение) авторитетного лица. В **заключении** подводится итог с *резюме* и эмоциональным *призывом*. Такая модель построения речи называлась **хрия** – именно она приводилась в античной риторике, а затем в «Риторике» Н. Ф. Кошанского, по которой выучились наши царско-сельские отроки, и еще в начале XX века именно по этой схеме писал сочинения будущий философ А. Ф. Лосев.

Количество топосов как способов создания текста не ограничивается шестью приведенными, но у Цицерона в «Топике» их 24, у М. В. Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» – 16, у Н. Ф. Кошанского – 24, современные теоретики-риторы выделяют разное количество, но для нас существенен вопрос: можем ли мы провести хотя бы частичный анализ текстов Патриарха Кирилла с опорой на выделение системы общих мест и способов аргументации?

В соответствии со сказанным выше относительно «риторики» как способа выражения мировоззрения, состава идей, которые излагает ритор, исследовательская задача решается внимательным вчитыванием в тексты Патриарха Кирилла, отражающие его духовно-нравственную философию. Для исследователя, растерянно стоящего перед «громადой» имеющихся книг и текстов Патриарха Кирилла, эти основные топосы-идеи не могут не предощущаться – важно выделить главное и понимать, что частное, конкретное в речах Патриарха есть отражение единого и общего, вполне исчисляемого и описываемого мировосприятия.

Сопоставление двух важнейших для нашего анализа книг – «Слова пастыря»²⁹ и книги митрополита Иларио-

²⁹ Слово пастыря: Бог и человек. История спасения: Беседы о православ. вере / Митр. Кирилл. 2-е изд. М.: Отд. внешних церков. связей Моск. Патриархата: Издат. совет Рус. Православ. Церкви, 2005.

на (Алфеева) «Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание»⁵⁰ – сразу вскрывает нам эту «идейную» последовательность в разборе главных топосов Патриарха Кирилла. Вот последовательность этих основных идей – топосов, выстроенная как в «Слове пастыря», так и в книге митрополита Илариона:

Вера – Бог и человек – Христос – Церковь – служение Церкви – Богослужение...⁵¹

Возможно, митрополит Иларион творчески повторяет начальную композицию «Слова пастыря»: **О вере – о Богопознании – о Божественном Откровении – о Священном Писании...**⁵²

Этот ряд развивается довольно широко, охватывая множество топосов-идей. Мы остановимся лишь на нескольких, попутно разбирая не только содержание текстов, но и композицию, и воплощение содержания в идиостиле через анализ лексики (отбор слов) и синтаксиса (строение предложений, фраз, целых абзацев, украшение речи с помощью фигур речи).

Вера и нравственность в словах и речах Патриарха Кирилла

Проанализируем, как выстраивается вступительная беседа «О вере» в «Слове пастыря» митрополита Кирилла (будущего Патриарха). Она начинается с рассказа об апостоле Фоме, «не поверившем» в явление Воскресшего Спасителя. Отметим поразительное умение Патриарха Кирилла ухватить «главный нерв» проблемы в понимании основного интереса аудитории, среди которой большинство, возможно, как раз и являются такими сомневающимися, подобными апостолу Фоме, о котором пойдет речь

⁵⁰ *Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо, 2010.

⁵¹ См.: там же. С. 6, 283–338.

⁵² См.: Слово пастыря... С. 6–20.

прежде, чем будет дано **определение** веры. Иначе говоря, велик соблазн начать монолог определением веры, но оратор митрополит Кирилл начинает разговор парадоксальным примером «неверующего» будущего апостола с комментарием, обращенным к слушателям его передачи:

«Это „не поверю“ люди произносят на протяжении всех времен, отделяющих нас от события Воскресения. Одни принимают весть о Воскресении с открытым сердцем и радостью, другие говорят: „Не верю. Ибо это не укладывается в моем сознании, не отвечает известной мне логике жизни. Не верю, потому что не могу проверить и не имею доказательств“».

Только после этого ставится вопрос:

«Что же такое вера?»

Следует ряд определений, последовательно раскрывающих существо веры с помощью авторитетных мнений апостола Павла, святителя митрополита Московского Филарета:

*«Апостол Павел отвечает на этот вопрос: „**Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**“» (Евр. 11: 1).*

*Выдающийся русский богослов XIX века святитель Московский Филарет говорит об этом так: „**Вера есть уверенность в невидимом как бы в видимом. А в желаемом и ожидаемом – как бы в настоящем**“».*

Эти непростые богословские определения получают в дальнейшем развитие через последовательное рассмотрение всех действий веры, выраженное в разных способах ее описания посредством разных топосов-аргументов. Спрашивается: разве оратор сознательно построил свою речь по «топическим» законам изобретения идей? Разве он специально начертил себе «сухой» план развития своего доказательства, предварительно ознакомившись в учебнике риторики с разными способами развития мысли? Вне сомнения, каждый образованный человек (им как раз и является хорошо подготовленный ритор), воспитанный всем речевым опытом своей жизни, книгами, которые он прочитал, примерами, которые наблюдал,

наконец, продумавший то, о чем будет говорить, использует способы доказательства и развития своей мысли как сознательно, теоретически строго, так и интуитивно, позволяя себе импровизации в строгом движении мысли. В этой последовательности читатель и слушатель уже должны как увидеть и услышать отдельные «части речи» (композиция), так и почувствовать стиль говорящего, выраженный в словах и конструкциях фраз.

Вот в какой последовательности развивается дальнейшее доказательство по топосам как способам развития мысли в пастырском монологе Патриарха Кирилла о вере (пространное цитирование позволит почувствовать и мысль, и последовательность «частей речи», и стиль говорящего):

- Топос – **сопоставление** с разумом и знанием: *«В своем «Катехизисе» святитель Московский Филарет замечает, что **вера начинается в разуме, хотя принадлежит сердцу**. Действительно, вера может быть основана на логическом мышлении...»*

- Топос **объекта** («во что верю») – название «идеи Бога»: *«Человек способен логически прийти к **идее Бога**, открыт для себя Творца, но это открытие еще не будет верой».*

- Следующий топос – топос **следствия**: ***Идея Бога, возникшая в сознании, должна вызвать перемену духа**, укорениться в душе человека не только на уровне разума, но и в сердце».*

- Вновь топос-**определение** и следующее за ним синонимическое **описание-пояснение**: ***Вера и есть особое состояние души**. Она принадлежит внутренней духовной жизни человека, человеческому сердцу».*

Развитие содержания речи осуществляется на основании примышления – новой мысли, которую изобретает ритор с тем, чтобы продолжить свое повествование. В этом состоит некая тайна риторического изобретения мысли и аргументации. Вопрос Пушкина «Куда ж нам плыть?» адресуется каждому оратору или говорящему, ибо каждый свободен направить свою мысль в любом направлении. Ораторы, пожалуй, отличаются двумя крайностями

ми: одни имеют слишком много мыслей и сомневаются, куда же направить свое рассуждение, другие, напротив, не знают, ЧТО сказать, и затрудняются в поиске содержания. И вновь Пушкин подсказывает: «Блажен, кто словом твердо правит и держит мысль на привязи свою». Дисциплинированность мысли позволяет выстроить все последующее рассуждение. Вот как это выглядит схематично:

- Переход от «внутренней духовной жизни человека, человеческого сердца» к важнейшему понятию **религиозного чувства**.

- **Антитеза**: почему одни люди верят, а другие нет?

- Духовно-нравственные **условия**, при которых религиозное чувство может быть либо атрофировано (например, в условиях атеизма, когда доказательство веры находится в зависимости от успехов науки; сам атеист уподобляется Патриархом человеку с неразвитым музыкальным слухом, работающему в кузнице), либо же это чувство развивается и условиями являются **чистота ума, души и сердца**.

- **Свидетельство** как ссылка на авторитет: слова Исаака Сирина о том, что «вера требует чистого и простого образа мыслей».

- В заключении речи подводится итог с возвращением к «неверию Фомь»: *«Но Фома обрел веру в Воскресение Господа. И мы должны просить Бога помочь нам жить по Его правде: не творить нечестия, не обманывать людей, не строить своего благополучия на несчастье ближнего, не умножать зла, в которое и без того погружено общество»*.

Последние слова звучат как эмоциональный призыв: *«Будем молить Господа о том, чтобы через грех не повредить соприродное нашему естеству религиозное чувство и чтобы всегда пребывала в нас готовность уверовать»³⁵*.

---

³⁵ Удивительно, как в первой русской «Риторике» XVII века эти топосы, называемые «местами», находят последовательное описание в учебном диалоге, который показывает образец возможного рассуждения о вере. В таком описании человек, знако-

Конечно, данная беседа митрополита Кирилла не строилась специально по образцу классической риторической модели, но в ее разборе обнаруживаются все

мившийся с правилами риторики, начинал представлять предмет своей речи (например, вера) и композицию рассуждения о нем максимально полно и исчерпывающе. Приводим этот текст с небольшими современными упрощениями:

– Скажи образец простого вопроса. – Вера.

– Что знаменует слово веры? – Иногда знаменует историю или описание живота Христового, но у пророков и апостолов знаменует веру и надежду истинную, ея же ради произволяем по обещанию Божию.

– Что есть вера? – Вера есть произволение обетованию Божию, в нем же обещается нам милостив быти для Христа.

– Много ли есть частей веры? – О тех ни о единой невозможно есть сказать для того, что вера есть едина некоторое движение разума или мысли зряще на обещание, но разделяется то познание на разум и на волю, ими же и желает человек и принимает данное или обещанное добродейство и блаженство.

– Которые суть образцы (последствия, результаты) веры? – Вера иным образом описует обещания вещей телесных, иным же образом описует обещания милости и вечных благ.

Как о сем глаголет апостол: сеяи во плоть пожнет истление, сеяи же в дух пожнет нетление и живот.

– Которое есть дело, совершающее веру? – Дух святой и воля человеческая, произволяющая или сопротивляющаяся благу.

– Которое есть дело осудовое? – Есть слова обещания, его же ради совершенныя силы и есть дух святой, приводящий к делам добрым разум или волю человеческую.

– Которое есть поддание веры? – Разум или мысль или воля человеческая. * **единообразие.**

– Что есть в помышлении приятие? – Обещания вещей временных и вечных. * **сииречь благих или злых: вечный – совершение, живот телесный же – осуждение.**

– Что есть конец? – Живот вечный.

– Которыя суть совершенства веры? – Оправдание или присвоение правды и добродетели, смирение или покой, и радость совести, и любовь, яже к Богу, призывание святых и совершенное получение живота вечнаго.

топосы, которые свойственны традиционной хрии, и даже последовательность их расположения отчасти совпала с классической схемой ораторской речи. Действительно, здесь были и *определения* с описаниями, привлечением дополнительных синонимических идей, и *причина*, и *следствие*, и *сравнения*, и *антитеза* как борьба противоположных идей, и *примеры*, и ссылки на *авторитеты* (свидетельства), и даже классические начало (с приведением отрицательного примера) и заключение с возвращением к началу, выводами и призывом.

Однако было бы странно утверждать, что данная схема-план речи, которую мы восстановили, становится причиной риторического успеха (возможно, есть люди, которые аргументацию митрополита Кирилла не сочтут «успешной»). Причина успеха не только в способности развивать мысль и точно строить аргументацию речи, но прежде всего в **способности воплощать мысль в слове**, создавая особый **стиль речи**. Тайну этого воплощения мы можем только наблюдать и анализировать, констатируя факт наличия искусно выраженного и скроенного текста.

Таков переход от объяснения веры как особого состояния души к религиозному чувству. Кстати, этот переход устной речи, записью которой и являются большинство опубликованных речей Патриарха Кирилла, очень ясно выделяется произносительными средствами, среди которых главным является ПАУЗА – именно ее умеет «держат» Патриарх Кирилл как при выражении той или иной мысли, так и при переходе к новой теме. На письме этот переход выражен абзацем, а в самом тексте мы всегда ощутим логический акцент на новом понятии, о котором будет вестись рассуждение:

«Общепризнанным в богословии является утверждение о присутствии в каждом человеке религиозного чувства. Религиозное чувство присуще человеческой природе так же, как, к примеру, музыкальный слух. Этим чувством обладает каждый человек. Когда религиозное чувство в нем возгрето, когда оно

активно, то человек верует, когда же оно пребывает в бездействии – не верует».

Развитие мысли в этом доказательстве таково: название темы (религиозное чувство) – сравнение (подобно музыкальному слуху) – закольцовывание – отраженный повтор мысли (как религиозным чувством, так и музыкальным слухом обладает каждый человек) – переход к конфликтной антитезе через описание действия этого чувства в разных людях (противопоставление «возгретого» чувства – «бездействующему» чувству при отсутствии веры). Данная схема останется никого не убеждающей «голой логикой», если не адресоваться к СТИЛЮ как выражению мыслей соответствующими средствами в словах, конструкции предложения и фразы, произношении. Поэтому сама конструкция рассуждения может остаться на уровне замысла (для этого в риторике существует термин ПАФОС), но требуется осуществление замысла как мыслительно-аргументативной конструкции в ЛОГОСЕ – словесно-стилистическом и эмоционально-энергетическом выражении.

В приведенном выше рассуждении это единство мысли-слова (пафоса-логоса) ясно выражено в построении фраз данного абзаца, которые обладают, с одной стороны, богатством и разнообразием книжно-научного стиля (*«Общепризнанным в богословии является утверждение о присутствии в каждом человеке религиозного чувства»*), с другой стороны, стремлением к простоте объяснения, выраженной в конструкции, поясняющей церковнославянское слово *возгрето*: *«Когда религиозное чувство в нем возгрето, когда оно активно, то человек верует, когда же оно пребывает в бездействии – не верует»*. В самой же антитезе дается не прямое противопоставление (ведь можно было бы сказать *когда оно не возгрето* или *когда оно не активно*), а создается антонимическое выражение в новом словесном оформлении: *когда оно пребывает в бездействии*.

Подобный стилистический анализ можно применить ко многим текстам как в «Слове пастыря», так и в пропо-

ведях Патриарха Кирилла с поиском именно ему присущих качеств образа ратора.

Проведенный разбор одной из пастырских бесед о вере показывает, как топос **веры** может быть соотнесен с разными топосами и темами для дальнейшего развития мысли (**Бог – религия – нравственность – добро – образ жизни – служение – свобода выбора – послушание Богу** и т. д.). И этот выбор, конечно, не произволен, а движение мысли в ту или иную сторону должно показать, каких идеалов придерживается ритор.

Выбор тем, затрагиваемых Патриархом Кириллом, столь велик, что представляется необозримым: кажется, что он как активный речедеятель говорит обо всем. Однако с очевидностью должно сказать, что каждый в его словах, речах и текстах находит свое – отсюда такое многообразие книг, а в книгах разделов, посвященных той или иной теме. Вот сборник «Церковь призывает к единству», в котором сам перечень разделов отражает основные темы выступлений Патриарха:

*Церковь и русский мир; Церковь и Святая Русь; Церковь и государство; Церковь и человек; Человек и Бог; Человек и семья; Церковь и молодежь; Образование и нравственность; Церковь и личность; Церковь, наука и прогресс; Церковь и культура*⁵⁴.

В центре книги оказывается Церковь, но обратим внимание на то, что рассуждение о задачах Церкви обнимает сразу целый ряд проблем. О каждой из них Патриарх Кирилл скажет тем самым «понятным и доступным языком», говорить которым призывает в осуществлении миссионерской задачи Церкви:

«Собственно говоря, перед Церковью постоянно стоит задача – делать веру понятной для людей, делать послание Христово всегда актуальным, для того, чтобы достигать целей, которые стоят сегодня, как и всегда стояли перед Церковью, –

---

⁵⁴ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010.

чтобы свет Христов просвещал вселенную, чтобы люди принимали христианскую веру сознательно и разумно, отдавая ей свой разум и свое сердце»³⁵.

Поставим вопрос, в котором затрагивается кардинально проблема всей нашей книги: что делает «слово убеждения», исходящее из уст Церкви (а убеждение, как сказано выше, есть цель риторики)?

«Почему Церковь так тщательно охраняет подлинную веру? Охраняет и словом убеждения, и любовью, и каноническими прещениями, ибо все еретики всегда отлучаемы от Церкви по Слову Божию: „Измните злого от вас самех“ (1 Кор. 5: 13)»?

Обратим внимание на то, как слово убеждения, любовь, канонические прещения (запреты) поставлены в один синонимический ряд. Значит, и слово убеждения невозможно без любви: в основании убеждения – любовь, а любовь сама «убеждает». Значит, и любовь предполагает наличие запретов, а запрет на определенные мысли, слова, поступки лежит в основании культуры.

«Да потому, что хранение истинной веры жизненно необходимо не только для Церкви, но и для всего человеческого рода – даже для тех, кто к Церкви не принадлежит, и даже для тех, кто принадлежит к другим религиям».

Риторические аргументы Патриарха Кирилла часто парадоксальны, потому что постоянно ставятся вопросы, которые не могут не удивлять и не заинтересовывать слушателя. Неожиданность поворотов его мысли пробуждает интерес слушателей:

«Кто-то может сказать: а при чем здесь неверующие люди, при чем здесь другие религии, при чем здесь такой разнообразный или, как теперь говорят, плюралистический мир? И многие хотят убедить нас (вот столкновение «риторик». – В. А.), что вера, которая пришла к нам от Господа через святых апостолов, – это лишь один вариант человеческой мысли, лишь одно из мно-

---

³⁵ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 7–8.

гих убеждений, которое ничем не отличается от других, и люди, будучи свободными и подкрепляя свою свободу законодательством и понятием человеческих прав, могут с легкостью выбирать любое убеждение, любой взгляд на жизнь, на историю. Таково сегодня господствующее мнение о человеческих убеждениях».

Риторика как «искусство убеждать» в свете сказанного Святейшим Патриархом оказывается не только технологическим искусством, которому можно научиться с целью руководства людьми, обществом, обладания властью и богатством, но прежде всего ставит вопрос о природе и сущности этих убеждений. Основание веры – в разуме человека, и Патриарх сначала осторожно, а затем решительно подводит слушателя и читателя к главным вопросам бытия, касающимся каждого человека:

«Но есть нечто особенное в христианской вере. Эта вера касается не только умозрительных истин в богословии – эта вера касается нашей жизни, нашего бытия; в этой вере содержатся истины, помогающие человеку не сбиться с жизненного курса».

Поскольку основной вопрос, стоящий перед каждым человеком – вопрос выбора между добром и злом, божественным и дьявольским, говорящий выбирает, с чего начать. Точность, разнообразие, привлекательность речи часто обеспечиваются тем, что сначала говорится о противоположном истине и лишь затем – об истинном. Это не прямое доказывание и пробуждает интерес как у сторонников, так и у противников идеи, потому что говорящий, оказывается, может поставить себя на место оппонентов и понять их точку зрения. При этом слушатель постоянно получает новую информацию, которая, возможно, и была ему известна, но таинственная сила слова, содержащаяся в **идиостиле** говорящего – индивидуальных особенностях речи, выборе слов и строении фраз (все, что с таким трудом поддается описанию!), неизменно держит внимание как слушателя (при восприятии энергетики, исходящей из произносимого слова Предстоятеля), так и читателя, знакомящегося с написанным текстом. Ниже приводится текст, в котором использованы стилистиче-

ские повторы, создающие фигуры речи, – одновременно важно фиксировать разнообразие и богатство слов и конструкций, которые не повторяются, но свидетельствуют о стилистическом богатстве речи.

«Одно из понятий, которые содержатся в греческом слове, соответствующем русскому слову „грех“, – это промах. Грех как промах: человек согрешающий сходит с правильного пути, промахивается мимо самой важной цели – цели своего бытия. Сохранение этого курса и обеспечивается верой апостольской, которая пришла к нам от воплотившегося Сына Божия. Господь спасает нас Своею благодатью и Своею истиной. Он спасает род человеческий обновлением того завета, который в глубокой древности люди заключили с Богом. Господь спасает нас, давая ясное понимание добра и зла, и пока вера Церкви хранит эту норму человеческой жизни, пока вера Церкви свидетельствует о том, что есть правда, а что ложь, что грех, а что святость, вместе с Церковью весь род человеческий сохраняет способность и возможность в условиях разномыслий, в условиях множественности взглядов и убеждений сохранять некую общую основу человеческого бытия».

Таков идиостиль Патриарха: от самого простого объяснения, что есть грех, он переходит к разъяснению сложнейших вопросов нравственного бытия – и делает это в распространенной речи, которая не производит впечатление излишества. В лингвистических разборах принято показывать **фигуры речи – конструкции фраз, способствующие украшению речи**, и, кажется, нет ничего проще, чем показать в приведенном абзаце **повторы** – лексические, синонимические, однородные члены предложения. Стилистическое мастерство ритора состоит в том, чтобы перемежать повторы, которые не добавляют новой информации, с богатством и разнообразием новых слов и выражений. Функция *повтора* – служить эмоциональности и экспрессивности речи при отсутствии новой информации, функция *разнообразия* слов и выражений – максимальное прояснение смысла речи и одновременно свидетельство ее богатства, владения ритором хорошим

литературным языком. В нашем случае мы видим, как мысль говорящего развивается в разворачивании доказательства, достигая кульминации к концу абзаца в распространенном сложном предложении. Так выстраивается **период речи**, называемый в античной риторике «**кругом**», поскольку оратор как бы возвышается, доходит до кульминации, а затем в конце периода опускается вниз, замыкая «круг» и ставя точку.

Между тем в приведенном примере сохраняется строгое следование основной теме речи: эта тема – **нравственная основа бытия**. Патриарх возвращается к ней вновь и вновь, уже с другой стороны, обратившись к новому топосу – топосу *времени*, связывая будущую историю человечества с сохранением нравственной основы бытия:

«Вот почему Церковь так настойчиво, порой даже жестко, охраняла и охраняет истинную веру. Верим, что эта великая миссия Церкви по спасению всего человеческого рода, по сохранению нравственной основы человеческого общежития будет продолжаться до скончания века. Если же когда-то в эсхатологической перспективе произойдет завершение человеческой истории и зло победит добро, то это произойдет только тогда, когда человечество полностью откажется от нравственной основы своего бытия и когда голос Церкви окажется неслышен, когда люди будут неспособны воспринимать Божественную истину».

Объем исследования не позволяет осветить весь спектр **идей** (в риторической терминологии – **общих мест**), которые затрагиваются Патриархом Кириллом в его выступлениях. Скажем лишь об одной из них – идее **нравственности** как основы бытия, без которой жизнь теряет смысл. Мы видим, что эта идея затрагивается Предстоятелем нашей Церкви регулярно как в проповедях, обращениях к «народу Божиему», так и в беседах с молодежью, интервью с журналистами.

Как «все имена суть имена Бога», так Патриарху Кириллу удастся связать идеи нравственности с самыми разными сторонами бытия и актуальными вопросами

современности. При обсуждении идеи нравственности он говорит:

(О базисных ценностях) *«Подлинная жизнь человека во все времена опиралась на базисные ценности... Но базис – это не производительные силы. Никогда идея экономических ценностей не может стать национальной идеей, это нонсенс. ...Вера, как и нравственность, прежде всего принадлежит к этим базисным ценностям».*

(О правах и свободах) *«Права и свободы должны реализовываться в системе нравственных координат и непременно должны быть связаны с моральной ответственностью».*

Если не будет нравственного воздействия общества... то прекрасные идеалы прав и свобод человека обернутся страшной язвой».

(О причинах революции) *«Трагедия революции была результатом нравственного упадка элит и неспособности народа сопротивляться искушениям».*

(О главном в истории Святой Руси) *«Святая Русь – это духовно-нравственный идеал, который включал в себя главенство духовного над материальным... Духовный идеал в сознании допетровской Руси всегда значил несравнимо больше, чем политические цели».*

(О судьбах интеллигенции) *«Религиозный и нравственный нигилизм, который с чужого голоса усвоила русская интеллигенция, усугубил разделение общества. Интеллигенция, оторванная от национальных корней и заблудившаяся в своих исканиях, утратившая понятие о духе и духовной жизни, но исполненная лжемессианской гордыни, стала главным разрушителем традиционных идеалов».*

(О возрождении национального самосознания) *«Возвращение в нашу жизнь христианского нравственного идеала есть непременное условие возрождения и национального самосознания... духовное возрождение есть условие выживания нашего общества».*

Святейший Патриарх дает и ясное определение нравственности, исходя из категорий добра и зла:

«Итак, нравственность есть способность отличать добро от зла, использовать Богом данную

свободу для ориентации личности в сторону правды и добра».

Таким образом, исходя из того или иного топоса, у ритора имеется возможность затрагивать множество вопросов, тем, идей, но выбор этих тем и их аргументационная связь между собой не произвольны – эти тематика и аргументация теоцентричны, т. е. в центре всего находятся Бог и Божья правда, как в известном рисунке «круга», центром которого является Господь Бог, а остальное либо удалено, либо приближено к Нему. Но лучами Божьего света утеплены и возгреты все и всё, кто и что к Нему обращено.

**Слово о любви как основе бытия:
разбор содержания – композиции – стиля**

Возвращаясь к проблеме образа ритора как совокупности всех компонентов акта ораторской речи (замысла, содержания, композиции, выбора слов, их соединения, произношения, эмоционального воздействия), обратимся к разбору еще одной из проповедей Святейшего Патриарха Кирилла как Предстоятеля Русской Православной Церкви на всей территории русских православных земель, произнесенной в Киево-Печерской лавре 28 июля 2009 года, в день памяти святого равноапостольного князя Владимира. Анализ речи невозможно вести без одновременного комментария как содержания, так и композиции, фиксации как основных слов – тематических центров речи, так и способов их соединения в фигуры речи. Одновременно необходимо отследить и воспринять общий облик речи как некой целостной конструкции с основной идеей и ясными выводами из нее.

Традиционное начало проповеднической речи с обращением к цитируемым словам апостольского послания вовсе не отрицает новизны воспринимаемого содержания. Таков принцип культуры и ее творческого применения в деятельности хорошего ритора: подлин-

но новое может рождаться только на основе культурной традиции – перефразируя известные поэтические строки Н. А. Заболоцкого: «Ей (душе)... так безмерно ново, так живо все, что для иных мертво...» Так, согласно традициям и принципам гомилетической речи, каждый раз новыми становятся обращенные к нам слова – как правило, они избираются из Евангелия или из апостольских посланий:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

„Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа“ (Гал. 1: 11–12). Мы только что слышали эти замечательные слова апостола Павла; он адресовал их древним галатам, но через них – всему миру, утверждая великую истину, что Евангелие не есть плод человеческой мудрости, но Божественное Откровение, то есть Слово Самого Бога».

Далее следует обращение к основной теме – предмету праздника. Очевидна связь с приведенными выше словами апостола.

«Мы празднуем сегодня день памяти святого крестителя Руси равноапостольного князя Владимира. И неслучайно эти апостольские слова Церковь предлагает нам в дни памяти равноапостольных мужей и жен. Святой князь Владимир жизнью своей явил правоту этих слов».

Начало коллизии-«зацепки», которая всегда присутствует в словах и речах Патриарха Кирилла: чтобы вывести к «свету», Святейший Патриарх обозначает «тьму», в которой пребывал или пребывает человек:

«Кем был Владимир до принятия крещения? Слостолюбивым, жестоким правителем. Он был причиной гибели многих невинных людей. Жажда власти, денег и наслаждений была главной целью его жизни, как она была целью жизни и других тогдашних правителей. Потому и войны велись, и земли захватывались – чтобы было больше власти, чтобы было больше возможностей повелевать другими».

Стиль начальных абзацев речи Патриарха краток, коллоны – небольшие, это параллельные конструкции. Оратор

как бы «берет разбег», готовится к будущему пространному и эмоциональному расширению речи. Как это часто бывает в речи Патриарха Кирилла, он начинает задавать риторические вопросы и вопросы готовят будущие ответы.

Риторические вопросы в речи Патриарха Кирилла – особый прием. Он часто их использует, готовясь к ответу. Это может быть серия вопросов, и те, кто хочет учиться риторике, публичным выступлениям, могут наблюдать, как риторический вопрос – эта фигура речи, казалось бы излишняя с точки зрения передачи информации, – становится весьма необходимой для передачи мысли, намерения, объяснения, нужного говорящему:

«А что произошло после того, как в крещальные воды погрузился князь Владимир? Его жизнь изменилась. Он не стал более жестким, злым, сластолюбивым правителем – он стал правителем, которого народ в умилении и радости сердечной называл Красное Солнышко».

Мягкость интонации, объяснения, уточнения – все подводит к тому, чтобы вести к главной идее речи. Вновь звучат риторические вопросы – и даже кажется, что они синонимичны уже звучавшему вопросу. Но эти вопросы нужны, потому что мысль уточняется: после того, как выразительно было сказано, что же произошло и каким человеком стал князь Владимир, следует новая ступень: от конкретного к общему – обсуждению базисных ценностей – причины этих «изменений»:

«Что же произошло с этим человеком? Почему он те ясные и понятные цели и ценности, которые исповедовал как правитель государства, изменил на другие цели и жизненные ценности? Потому что с Крещением он в свой разум и в свое сердце принял Христа; вместе с Крещением принял новую систему ценностей, столь радикально отличающуюся от того, чем жил, во что верил, ради чего боролся до того».

И вот новая ступень, новое восхождение – теперь уже к главному: эти «жизненные ценности» надо назвать, и это будет кульминационное слово всей речи, потому что Евангельское слово, «удивляющее», до сих пор не всем

понятное, – любовь. Путь к этому восхождению, подготовка к нему вновь готовится в риторических вопросах, еще более пространных, чем предыдущие, но так и должна готовиться эта самая трудная и удивляющая всех ступень:

«А что же лежит в основе этой системы ценностей, которой святой Владимир отдал разум, душу и жизнь, ибо желал, чтобы вслед за ним весь народ приобщился к этой системе ценностей? Это Евангельское слово, а в центре этого слова – то, что до сих пор людям трудно понять; то, что не перестает удивлять каждое последующее поколение людей своей новизной и притягательной силой. В центре Евангельского послания – одно и самое главное слово: любовь. Любовь как основа бытия, любовь как основа личной и семейной жизни, любовь как основа жизни общественной и даже государственной».

(Именно в этот момент, когда, как кажется, сказано главное и необходимо только развернуть описание темы, Патриарх Кирилл показывает препятствия на пути решения проблемы. Оказывается, очевидное всем может быть непонятно или использоваться в ложных целях. Можно назвать этот прием рассуждения **антитезой** или **противопоставлением**, но ясно, что именно так должен поддерживаться неослабевающий интерес слушателей.)

«Эти слова остаются непонятными для многих людей – гораздо понятнее власть, деньги и могущество. Под эти цели можно сверстать любую политическую программу, можно вдохновить людей на борьбу, даже на войну, потому что в каждом сидит этот бес – стремление быть богатым, сильным, могущественным».

И вновь мы видим, как Патриарх Кирилл задает риторические вопросы с тем, чтобы обозначить парадоксальность и неожиданность для простого обывательского ума тех ценностей, которые утверждает православная вера. Эта парадоксальность связана со «словами не человеческими», а с «Божественной мудростью», она вселяет силу в верующего человека:

«Что же такое любовь, которую проповедует Христос? Как можно возлюбить ближнего, как можно возлюбить даже

врага? Этот вопрос, уже будучи верующими людьми, мы задаем себе, сознавая, что нет любви в сердце к другому человеку, а тем более к врагу. Что же означают эти слова Господа? Ведь это слова не человеческие, не мудрость поколений, не мудрость народов или всего человечества – это Божественная мудрость. Понятна она людям или непонятна, способны люди следовать этой мудрости или не способны – от этого слово Божие не перестает оставаться Божиим словом и Божественной истиной, вечной и неизменной. И сила верующего человека в том, что, даже не осознавая в полной мере Божественную истину умом своим и опытом жизни, он преклоняет перед нею колена ума и сердца своего в послушании слову Божию.

*Божественная истина становится понятной через внутренний, религиозный опыт человека, и этот опыт помогает нам понять то, что Бог во Христе, Сыне Своем, совершил ради нашего спасения. Господь пришел и пострадал ради того, чтобы люди имели жизнь, и жизнь с избытком, как мы слышали только что в Евангелии от Иоанна (Ин. 10: 10), чтобы эта полнота человеческого бытия не прекратилась со смертью, но перешла в вечность. Господь ради этого пришел и отдал Себя, Свою жизнь, на поругание человеческой злобе, зависти, гневу и нечистоте. Он сделал это, движимый любовью к людям, к творению Своему, и через этот пример Самого Господа мы можем понять, **что есть любовь, – любовь есть в первую очередь способность отдать себя другим. Готовность отдать себя и часть своей жизни, времени, заботы, денег, человеческого тепла и участия другому и есть проявление любви – не красивые слова, а способность разделять с другим свою жизнь».***

Далее, как это было и в предыдущих речах, – для нас тайна: специальный ли это прием или нет, – Предстоятель Церкви обращается к **примерам** – сначала общим, касающимся жизни в семье, и вновь примеры будут вовсе не положительные, а скорее отрицательные, потому что «на ошибках учимся» и, описав «зло», легче продемонстрировать благо. С точки зрения изобретательности мысли и стиля речи – мы видим, как «нагромождаются» приме-

ры, следующие один за другим: примеры отношений супругов сменяются описанием отношений поколений друг к другу. Это нужно будет, чтобы перейти к следующей проблеме – и в этом изобретательность риторика – проблеме **разделения** людей, ибо **любовь** – в **единстве**.

«Богу было угодно, чтобы именно эта человеческая способность разделять свою жизнь с другими легла в основу человеческого бытия, в основу самого главного закона, по которому только и должна устраиваться личная, семейная и общественная жизнь. Каждый из нас на опыте знает, что это такое. Когда семья крепка? Тогда, когда муж отдает себя жене и семье, а жена отдает себя мужу и детям. Попробуйте перестать отдавать себя другому – семья сразу ощущает страшное холодное дуновение ветра. Исчезает доверие, появляется подозрительность: а почему он или она поступили так, что за этим скрывается? Может быть, он или она меня больше не любит? Мы знаем, как разваливаются семьи только потому, что супруги перестали отдавать себя друг другу, заботиться друг о друге, жизнь другого воспринимать как свою собственную жизнь. А разве не в этом кроется проблема отцов и детей, проблема поколений? Ведь она вырастает из недосказанности, из того, что не выражена была до конца родительская любовь, из того, что родители не получили любви своих детей. И разрывается преемственность, разрывается историческая связь поколений».

Начинается «работа» со следующим топосом – топосом **разделения**, противоположным топосу **единства**:

«А что происходит в обществах, когда исчезает закон любви, когда начинается борьба за свои частные интересы – политические, экономические, национальные, классовые или социальные, когда эти интересы и ценности становятся самыми главными? Идет борьба не на жизнь, а на смерть, и разрушается ткань человеческого общения, а там, где должна была быть взаимная поддержка, любовь, солидарность, гармония, появляются человеческий хаос и беспорядок под лозунгами построения счастливой жизни».

Парадоксальность следующего суждения должна слушателя удивить своей необычностью: оказывается,

именно лозунги и призывы к счастливой жизни приводят к бедам и разделением, а они – к разрушениям и погибели. И все это – следствие жизни без Бога и без любви:

«Беды и разделения народа всегда происходят от лозунгов, которые призывают нас к счастливой жизни. Не кровью ли умылся наш народ, когда в страшные годы революции соблазнился этими лозунгами и поверил, что можно построить счастливую, процветающую, мирную жизнь без Бога и без любви? Миллионы людей погибли, а эта мечта не была осуществлена. Ей не дано было осуществиться, потому что в основе этого политического мечтания были злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью.

Церковь призвана быть тем местом, где люди обретают опыт любви и опыт единства. Там, где есть разделение, нет любви. И как лицемерно и ужасно, когда в Церкви происходит разделение во имя неких «высших» целей! Это разделение является самым ужасным, что может быть в жизни христианина, – отсутствие любви. Какая же тогда может быть проповедь любви, где же Христос, если ради частных интересов, так или иначе понимаемых целей и задач мирского устройства, разрушается основа человеческого бытия, разрушается и попирается человеческой злобой любовь? Это извращение христианского послания, это отказ от Евангелия, которое есть не человеческое, но Божественное откровение. Это отказ от Евангелия с его вечной системой ценностей, далеких от наших суетных устремлений.

Церковь провозглашает и ближним, и дальним, и всему миру: нет другого пути для развития мира и человеческой цивилизации, для развития любого человеческого общества, кроме закона любви и происходящей из любви солидарности, взаимной поддержки, гармонии и мира».

И вновь возвращение к началу – Киевской купели, к тому, с чего начиналось «слово»:

«Всему этому мы научены от Киевской купели, от святого князя Владимира. Здесь, на берегу Днепра, в древних стенах Киево-Печерской лавры, особенно ярко и сильно представляется нашему сознанию образ великого князя. Он не только телесную,

но и душевную слепоту сбросил, выходя из купели крещения. Он прозрел тайну человеческого бытия и счастья, он отказался от жестокости и властолюбия, от всего того, что еще недавно грело его душу и вдохновляло его поступки. Князь Владимир в этот момент переосмыслил всю жизнь и дал нам великий завет любви и единства.

Именно в этих стенах мы особенно сильно переживаем значение этой заповеди святого князя Владимира, церковного единства и жизни по закону любви».

Вывод – эмоциональный призыв, включающий обобщение всех высказанных тем: любви к ближнему и врагам, темы кроткой личности «вышедшего из купели крещения Киевского князя Владимира».

«Мы будем молиться святому равноапостольному князю Владимиру о даровании нам силы любить ближнего – мужа, жену, брата, сестру, детей, коллег по работе. Пусть он даст нам силу любить врагов и доказать опытом своей жизни, что не искаженное злобой лицо, проповедующее ту или иную человеческую истину, но кроткий лик вышедшего из купели крещения Киевского князя Владимира является идеалом Святой Руси. И этот идеал непобедим и непреодолим, ибо он есть слово Божие, а не человеческое. Аминь».

Как и полагается в традициях праздничной речи, оратор своими благопожеланиями как бы формирует будущее, ибо его слова выстраивают модель нашего будущего поведения: силу любить ближнего, силу любить врагов в подражание «кроткому лику» князя Владимира, в уверенности в том, что «этот идеал непобедим и непреодолим, ибо он есть Слово Божие».

* * *

Сделанное описание не может удовлетворить строгому требованию полноты обзора и глубины осмысления всех сторон словесной деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. У читателя наверняка имеются свои размышления и суждения относительно того «образа оратора» (а ведь это и «образ Божий»), в котором

так убедительно, любовно и твердо управляет своей «словесной паствой» нынешний Святейший Патриарх.

Первообраз пастырского служения нам являет сам Христос: «Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец» (Ин. 10: 14). Конечно, слово человеческое не может сравниться со Словом Божиим, и об этом Святейший Патриарх Кирилл говорил неоднократно. Но «слово человеческое подобно Слову Божию» (св. Игнатий Брянчанинов): слабое, оно и в «немощи» может являть силу Божию; тихое, оно, будто колокол, способно будить все лучшее в человеке; неразумное, оно может просветляться Божественной мудростью, и тогда мы обретаем способность «знать» Того, Кто «знает» нас, и того из нас, кто «полагает жизнь» за народ Божий.